

Д. У А Й З / Т. Р О С С

НЕВИДИМОЕ ПРАВИТЕЛЬСТВО США

ЦРУ
И ДРУГИЕ
РАЗВЕДЫВАТЕЛЬНЫЕ
СЛУЖБЫ
В ГОДЫ ХОЛОДНОЙ
ВОЙНЫ

Росс Томас

**Невидимое правительство США.
ЦРУ и другие разведывательные
службы в годы холодной войны**

«Центрполиграф»

1964

УДК 325.3(73)
ББК 66.4(7Coe)

Томас Р.

Невидимое правительство США. ЦРУ и другие разведывательные службы в годы холодной войны / Р. Томас — «Центрполиграф», 1964

ISBN 978-5-9524-6141-3

Американские журналисты Дэвид Уайз и Томас Росс на обширном фактическом материале раскрывают подробности операций и деятельности невидимого правительства — Центрального разведывательного управления США периода холодной войны. Авторы отмечают, что ЦРУ включает также множество других подразделений и агентств и отдельных лиц, которые внешне кажутся обычными членами обычного правительства. В книге детально рассказывается об истории создания системы разведывательных органов США, их структуре, технической оснащенности и методах работы. Подрывная деятельность против стран Восточной Европы, вторжение на Кубу, разбойничья политика в Бирме, Лаосе, Вьетнаме, Гватемале — неполный список «заслуг» американской разведывательной деятельности. Шантаж и провокации, шпионаж и диверсии, заговоры и военные авантюры, направленные на свержение неугодных правительств, — таковы методы, с помощью которых разведка пытается укрепить позиции США на мировой арене. В формате A4 PDF сохранён издательский макет.

УДК 325.3(73)
ББК 66.4(7Coe)

ISBN 978-5-9524-6141-3

© Томас Р., 1964

© Центрполиграф, 1964

Содержание

Введение	7
Глава 1. Сорок восемь часов	10
Глава 2. Подготовка вторжения	19
Глава 3. Вторжение	36
Глава 4. Бирмингемские вдовы	48
Конец ознакомительного фрагмента.	56

Дэвид Уайз, Томас Росс
Невидимое правительство США.
ЦРУ и другие разведывательные
службы в годы холодной войны

David Wise, Thomas Ross

The Invisible Government

© David Wise And Thomas Ross The Invisible Government

© Перевод, ЗАО «Центрполиграф», 2024

Введение

В Соединенных Штатах два правительства. Одно из них видимое, другое – невидимое. Первое – это правительство, о котором американские граждане читают в газетах, а дети узнают из учебников. Второе – сложный скрытый механизм, проводящий политику Соединенных Штатов в холодной войне.

Это второе, невидимое, правительство собирает информацию, занимается шпионажем, планирует и выполняет секретные активные операции на всем земном шаре.

Невидимое правительство – это не официальная организация. Это официально никак не оформленная группировка лиц и органов, в которую входят отдельные составные элементы видимого правительства. В основе ее лежит Центральное разведывательное управление и девять органов, составляющих так называемое разведывательное сообщество: Совет национальной безопасности, разведывательное управление министерства обороны, Агентство национальной безопасности, разведывательные управления армии, ВМС и ВВС, управление разведки и исследований Госдепартамента, информационный отдел комиссии по атомной энергии и Федеральное бюро расследований.

Невидимое правительство включает также многие другие организации и учреждения, а также лиц, входящих в обычное правительство. В него входят даже деловые фирмы и учреждения, носящие, казалось бы, частный характер.

Этот завуалированный кабинет вершит судьбами 190 миллионов американцев. Важнейшие решения, связанные с войной и миром, принимаются за спиной общественности. Создается впечатление, что внешняя политика Соединенных Штатов часто проводится официально в одном направлении, а тайно – через невидимое правительство – в совершенно противоположном направлении.

Это невидимое правительство относительно новый институт. Оно возникло в результате двух взаимосвязанных факторов: возвышения Соединенных Штатов после Второй мировой войны до положения выдающейся мировой державы и вызова этой власти со стороны советского коммунизма.

Это был гораздо более серьезный вызов, чем любой из тех, с которыми ранее сталкивались Соединенные Штаты. Советская мировая стратегия, опираясь на разветвленную шпионскую сеть, ставила себе целью ниспровержение мощи и идеалов Соединенных Штатов. Отвечая на этот вызов, Соединенные Штаты начали создавать собственную обширную систему разведки и шпионажа. Невероятная по масштабам, эта деятельность осуществлялась вне поля зрения общественности и совершенно независимо от традиционного политического процесса.

К 1964 году разведывательная сеть превратилась в крупный тайный аппарат, пользующийся услугами примерно 200 тысяч человек и расходующий ежегодно несколько миллиардов долларов.

«Закон о национальной безопасности 1947 года, – говорит Аллен Даллес, – дал разведывательной службе более влиятельное положение в нашем правительстве, чем то положение, которое занимают разведывательные службы в любом другом правительстве мира».

Вследствие своих крупных размеров и всеобъемлющей секретности невидимое правительство с неизбежностью стало объектом подозрений и критики. Некоторые располагающие информацией конгрессмены и другие влиятельные граждане, включая бывшего президента Трумэна, обвиняют это правительство в том, что оно проводит свою собственную внешнюю политику и вторгается в дела других стран без санкции президента.

Американский народ не имеет возможности правильно оценить эти обвинения. Американцы, по существу, ничего не знают о невидимом правительстве. Списки его сотрудников, как и вся его деятельность, засекречены. Его бюджет маскируется ассигнованиями на дру-

гие цели. Конгресс снабжает невидимое правительство деньгами, не зная, сколько же всего средств ассигнуется и как они будут израсходованы. Предполагается, что горстка конгрессменов информируется невидимым правительством, но и они знают сравнительно мало о том, как оно работает.

За границей, в столицах зарубежных государств, американские послы, как принято считать, действуют в качестве высших гражданских представителей президента Соединенных Штатов. Им говорят, что они должны контролировать деятельность агентов невидимого правительства.

Но действительно ли они контролируют ее? Агенты имеют свою собственную связь и свои собственные коды. И власть послов, по определению одной из комиссий сената США, является «вежливой фикцией».

В самих Соединенных Штатах сотрудники разведывательных органов не должны вмешиваться в дела, которые по закону относятся к юрисдикции ФБР. Однако ЦРУ содержит более двух десятков отделений в крупных городах Соединенных Штатов; оно тесно связано со всей внутренней жизнью страны, от деятельности широковещательных станций и пароходных компаний до быта университетских городков.

Обычно считают, что невидимое правительство находится под непосредственным контролем Совета национальной безопасности. Однако на деле многие его важные решения никогда не обсуждаются советом. Эти решения принимаются особым комитетом, название которого произносят только шепотом. Сколько американцев слышало когда-либо о «специальной группе» («группе 54/12»)? О названии этой группы, и даже о ее существовании, неизвестно за пределами ограниченного круга лиц – членов самого невидимого правительства.

Вице-президент по закону является членом Совета национальной безопасности, однако он не принимает участия в заседаниях «специальной группы». Находясь на посту вице-президента, Линдон Джонсон был посвящен в большее число правительственных секретов, чем любой из его предшественников. Однако и он не был по-настоящему связан с невидимым правительством, пока не принес присягу в качестве тридцать шестого президента Соединенных Штатов.

23 ноября 1963 года, в первый час первого полного дня пребывания Джонсона на посту президента, Макджордж Банди, который был личным представителем президента Кеннеди по связи со «специальной группой», провел его в «оперативную комнату» – секретный командный пункт в подвалах Белого дома.

Здесь, в окружении совершенно секретных карт, электронного оборудования и приборов связи, новый президент был введен в курс дела главой невидимого правительства Джоном Алексом Маккоуном – начальником Центрального разведывательного управления и членом «специальной группы». Хотя Джонсон знал людей, руководивших невидимым правительством, и ему было известно о многих его делах, он только в то утро начал представлять себе в полном объеме его организацию и секреты.

Эта книга является попыткой раскрыть – в рамках сохранения государственной тайны – природу, масштабы деятельности и значение невидимого правительства. Она не является сенсационным разоблачением его, хотя большая часть материала книги никогда и нигде не публиковалась. Это попытка описать тайную американскую организацию, о которой американский народ, финансирующий ее, имеет право знать.

Отправным положением этой книги является то, что даже в период холодной войны правительство Соединенных Штатов, как гласит Декларация независимости, должно основываться на «согласии тех, кем управляет».

Однако чего стоит такое согласие, если управляемые не знают, на что они соглашаются!

В трудных условиях середины XX века руководитель государства все больше начинает сознавать, что в интересах государства некоторые решения следует принимать только ему

одному, тайно и без согласия народа. Круг этих секретных решений быстро расширяется, и пропорционально этому растет само невидимое правительство.

В какой мере существование этого секретного правительства совместимо с американской социальной системой? Меняет ли оно постепенно характер учреждений, которые стремится сохранить? Если американцы хотят найти ответы на эти вопросы, они должны сначала больше узнать о самом секретном правительстве.

«Я не знаю более надежного источника высшей власти в обществе, чем сами люди, – говорил Томас Джефферсон, – и если мы считаем их недостаточно просвещенными для осуществления контроля с необходимым благоразумием, то выход заключается не в том, чтобы отобрать у них эту власть, а в том, чтобы их просветить».

Эта книга является попыткой информировать соответствующим образом американский народ. В ней прослеживается история невидимого правительства: его создание президентом Трумэном и его деятельность при президентах Эйзенхауэре, Кеннеди и Джонсоне. Она раскрывает, как действует невидимое правительство в Вашингтоне с целью расширения и укрепления своей власти и как оно действует за границей, пытаясь поддержать правительства зарубежных стран или подорвать их власть. Ведь помимо простого сбора разведывательных сведений секретное правительство занимается «специальными операциями», от политической борьбы до вооруженных столкновений и даже вторжения в другие страны.

При определенных условиях на ограниченной, контролируемой основе такие «специальные операции» могут оказаться необходимыми. Но они не должны оказаться в такой степени вне контроля, что вступят в противоречие с характером того общества, которое начало их вести. Когда это случается, наступает катастрофа. Лучше всего это обнаружилось в случае с Кубой.

Мы начнем книгу с рассказа о событиях в заливе Кочинос, поскольку они уже стали историей и поскольку они являются весьма наглядным примером того, как работает невидимое правительство.

Глава 1. Сорок восемь часов

В темно-синем тропическом небе сияли звезды, и теплый ночной воздух еще не предвещал приближения рассвета. Марио Сунига вывел свой бомбардировщик В-26 на взлетно-посадочную полосу на берегу Карибского моря.

Только рокот двух работающих двигателей нарушал тишину на затемненном аэродроме Пуэрто-Кабесас в Никарагуа. Высокий тридцатипятилетний летчик, из кубинских эмигрантов, сидел в кабине большого бомбардировщика. На этот раз с ним не будет второго летчика.

На носу самолета черной краской выведен номер 933. На хвосте – буквы FAR (Fuerza Aerea Revolucionaria – революционные военно-воздушные силы) – опознавательные знаки военно-воздушных сил Фиделя Кастро.

Но Марио Сунига не был летчиком Кастро. Он выполнял особо важное, совершенно секретное задание Центрального разведывательного управления Соединенных Штатов.

Еще раньше агенты ЦРУ выкатили бомбардировщик на взлетно-посадочную полосу и обстреляли его из пулемета. Теперь в фюзеляже были пробоины от пуль.

В кармане Суниги лежала пачка кубинских сигарет, которую в самый последний момент он одолжил у знакомого летчика. Все это было нужно для подтверждения той тщательно заученной легенды, которую он держал в голове. Его пунктом назначения был международный аэропорт Майами, находившийся в 1335 километрах – в четырех летных часах к северо-востоку.

Сунига по сигналу начал взлет, и его бомбардировщик с ревом покатился по 1800-метровой взлетно-посадочной полосе. Это было 15 апреля 1961 года; стояла прекрасная летная погода. Сунига приступил к полету, от которого зависел успех одной из самых важных операций в истории Центрального разведывательного управления.

Начиная с 1 часа 40 минут ночи, незадолго до вылета Суниги, с этой же взлетно-посадочной полосы один за другим с ревом взмыли в ночной воздух еще восемь бомбардировщиков В-26, принадлежавшие ЦРУ; их двигатели натужно гудели – каждый из них нес дополнительный запас горючего и по десять 260-фунтовых бомб.

Самолеты пилотировали кубинские эмигранты, обученные ЦРУ и находившиеся у него на службе. Их целью была Куба, а задачей – уничтожение авиации Кастро до того, как она поднимется в воздух.

И на этих самолетах также были опознавательные знаки военно-воздушных сил Кастро. Эти восемь бомбардировщиков В-26, которые летели в трех группах, носивших кодированные названия «Линда», «Пума» и «Горилла», должны были нанести на рассвете внезапный удар по авиационным базам Кастро с целью проложить дорогу для скрытно подготавливаемого вторжения на Кубу, которое должно было произойти через 48 часов в районе залива Кочинос. Операция получила одобрение ЦРУ, комитета начальников штабов и президента Соединенных Штатов.

Суниге предстояло произвести посадку в Майами вскоре после налета бомбардировщиков. Он должен был объявить всему миру, что налет осуществлен с кубинских баз им и другими летчиками, дезертировавшими из военно-воздушных сил Кастро. В действительности же, разумеется, все девять самолетов вылетели с авиационной базы в Пуэрто-Кабесас, которая в ЦРУ носила кодированное название «Хэппи-Вэлли». Правительство Никарагуа тайно разрешило Соединенным Штатам использовать эту авиабазу и порт для подготовки вторжения.

Летя ночью на север, к Майами, Сунига имел время еще раз мысленно повторить заученную им легенду. Он был выбран инструкторами ЦРУ из числа кубинских летчиков-эмигрантов.

Агент ЦРУ, известный просто как Джордж, спросил, есть ли добровольцы для выполнения специального задания. Согласились трое. Сотрудники ЦРУ засыпали их вопросами с

целью проверить их реакцию и способность ориентироваться в сложных условиях. Выбрали Марио за его сообразительность и быстроту реакции. Затем последовали бесконечные заучивания и повторения прикрывающей дело легенды. Он должен был уметь рассказать ее, даже если бы его внезапно разбудили ночью. Ему приказали никогда не раскрывать правду о его задании.

Направляясь во Флориду, Сунига летел также к своей жене Джорджине, двум маленьким сыновьям, Эдуардо и Энрике, и дочерям, Беатрис и Марии Кристине. Он оставил их в безопасном Майами, в квартире на Юго-Западной 20-й улице, когда присоединился к эмигрантам, которые проходили в Центральной Америке подготовку к вторжению на их родину.

А с юго-востока в это время к Кубе, навстречу новому дню, летела ударная группа. Группу вел Луис Косме, жилистый, стриженный под ежик человек, служивший раньше в военно-воздушных силах Кубы и в кубинской авиакомпании и бежавший с Кубы восемь месяцев назад. За штурвалами двух других самолетов группы «Линда» сидели коренастый Альфредо Кабальеро и Рене Гарсия. Они также служили раньше в военно-воздушных силах Кубы. Их целью был Сан-Антонио-де-лос-Баньос – важный военный аэродром в сорока километрах к юго-западу от Гаваны.

Невысокий летчик Хосе Кресло пилотировал ведущий самолет группы «Пума», которая должна была нанести удар по аэродрому Кампо-Либертад на окраине Гаваны. Два других самолета группы вели испанец по происхождению Даниэль Фернандес Мои и двадцатипятилетний Чиррино Пьедра, один из самых молодых летчиков-эмигрантов. Ни три командира самолетов, ни их вторые летчики так и не дожили до боев в заливе Кочинос. Всем шестерым летчикам из группы «Пума» оставалось жить менее сорока восьми часов.

Третья группа – «Горилла» – состояла из двух самолетов. Их вели Густаво Понсоа и Гонсало Эррера. Их целью был аэропорт Сантьяго-де-Куба в провинции Ориенте, где за пять лет до этого в горах Сьерра-Маэстра Фидель Кастро начал свою борьбу.

Флот вторжения, состоящий из полудюжины судов, уже приближался к Кубе, эскортируемый военными кораблями США, когда девятнадцатилетний Марио Абриль, рядовой 5-й роты 2-го батальона бригады эмигрантов, которому никак не удавалось заснуть на переполненной палубе «Хьюстона», услышал гудение бомбардировщиков над головой. Он посмотрел вверх и на фоне неба увидел группу самолетов В-26.

За два месяца до этого он был в Майами, готовясь отправиться в тренировочный лагерь в Гватемале. Марио никому не сказал о своем решении. И все же, когда мать разбудила его 26 февраля, в его девятнадцатый день рождения, вместо ожидаемого подарка она протянула ему четки со словами, что это все, что она может ему дать.

Юноша включил транзисторный радиоприемник, чтобы послушать, передаст ли Гавана сообщение о бомбардировке. Завтра он еще будет в море, а послезавтра примет боевое крещение.

В Вашингтоне Ричард М. Биссел, высокий джентльмен с изысканными манерами, бывший профессор экономики, с нетерпением ждал сообщений о бомбардировке и о прибытии Суниги в Майами. Биссел был заместителем начальника ЦРУ по планированию, причем под «планами» подразумевались тайные операции за рубежом. На языке разведчиков «черный» значит секретный, и Биссел руководил самыми черными из черных агентов. Он с самого начала возглавил тайно подготавливаемую операцию в заливе Кочинос. Из своего тайного офиса неподалеку от памятника Линкольну он связывался с Хэппи-Вэлли с помощью высокоскоростных кодирующих телетайпов.

В эту субботу, 15 апреля, хозяин Биссела – начальник ЦРУ Аллен Даллес – находился в Пуэрто-Рико. Он отправился туда, чтобы выполнить свое обещание выступить в понедельник утром на собрании молодых бизнесменов. Шеф ЦРУ решил, что отмена выступления будет выглядеть странно и может привлечь внимание. Более того, Даллес считал, что его пребывание

в Пуэрто-Рико будет хорошим прикрытием. Появление руководителя ЦРУ в Сан-Хуане могло отвести подозрения в том, что драмой, которая начала сейчас разыгрываться, руководит ЦРУ.

Отчасти по тем же причинам президент Джон Кеннеди решил провести конец недели, как обычно, в своем поместье Глен-Ора около Миддлберга в штате Вирджиния, куда он отправился на вертолете вскоре после полудня.

Крупнейшая секретная операция в истории Америки уже началась. Однако ни президента Соединенных Штатов, ни начальника Центрального разведывательного управления не было в Вашингтоне.

В 6 часов утра над Гаваной раздался как бы раскат грома. Затем открыли огонь зенитные орудия, и жители столицы Кубы поняли, что начался воздушный налет.

Из окон и с балконов кубинцы могли видеть, как трассирующие зенитные снаряды вычерчивают в небе громадные дуги. В Мирамаре, пригороде столицы около Кампо-Либертад, видели, как три самолета В-26 из группы Хосе Креспо «Пума» сбросили бомбы и вели пулеметный и ракетный огонь. Несколько бомб попало в склад боеприпасов, и в небо взметнулось пламя. Последовала серия взрывов, продолжавшихся с перерывами около сорока минут. Взрывами бомб были повреждены служебное здание и взлетно-посадочные полосы аэропорта. Налет длился всего пятнадцать минут, но зенитные орудия вели огонь в течение часа.

В это же время группа Луиса Косме «Линда» в составе трех самолетов В-26 нанесла удар на Сан-Антонио-де-лос-Баньос. Один из реактивных учебно-тренировочных самолетов Т-33 американского производства, находившийся у конца взлетно-посадочной полосы № 11, взорвался, и несколько бомбардировщиков В-26 военно-воздушных сил Кастро были застигнуты на стоянке.

В аэропорту Антонио Масео в Сантьяго-де-Куба, на восточной оконечности острова, группа «Горилла» уничтожила ангар, где находились самолет «Си Фьюри» английского производства и два других небольших самолета. Был также уничтожен принадлежавший компании Кубана Эрлайнс самолет С-47, стоявший перед служебным зданием.

Меньший ущерб кубинским самолетам был нанесен группой «Пума» в Кампо-Либертад. Во время налета на Гавану был серьезно поврежден бомбардировщик В-26, пилотируемый Даниэлем Фернандесом Моном. Самолет развернулся в сторону моря, к северу от города, и загорелся, а потом упал в море – это видели из гаванской гостиницы «Коммодоро». Рыжеволосый пилот-холостяк пять дней умолял разрешить ему принять участие в первом рейде. Ему было двадцать девять, когда он погиб. Его второй пилот Гастон Перес погиб вместе с ним. Перес отпраздновал бы свой двадцать шестой день рождения через тринадцать дней.

В тщательно разработанных планах ЦРУ появилась небольшая трещина – первое свидетельство неудачи. Командир группы «Пума» Хосе Креспо обнаружил неисправность в двигателе. Он решил, что не сможет долететь до Хэппи-Вэлли, и повел свой бомбардировщик на север, в Ки-Уэст.

В 7 часов утра Креспо и второй летчик Лоренсо Перес произвели вынужденную посадку на военно-морской авиационной базе Бока-Чика в Ки-Уэсте, к великому замешательству руководства базы. Средние школы Ки-Уэста должны были проводить в Бока-Чика День олимпиады – с парадом и музыкой. Военно-морские власти срочно закрыли аэродром без всяких объяснений. День олимпиады был отменен.

В группе «Линда» Альфредо Кабальеро, сбросив бомбы на Сан-Антонио-де-лос-Баньос, обнаружил, что из одного бака перестало поступать горючее. Он взял курс на юг и вместе со вторым летчиком, Альфредо Маса, произвел посадку на острове Грейт-Кайман. Это явилось новым осложнением для ЦРУ. Грейт-Кайман был английской территорией.

Вскоре после 8 часов утра контрольно-диспетчерский пункт федерального авиационного агентства в международном аэропорту Майами принял сигнал бедствия с бомбардировщика В-26. Марио Сунига заканчивал выполнение своего тайного задания. Он вызвал кон-

трольно-диспетчерский пункт из района, находящегося в сорока километрах южнее Хомстеда во Флориде, то есть в двенадцати минутах полета от Майами. В 8 часов 21 минуту он, одетый в белую футболку и зеленые спортивные брюки, приземлился и выбрался из самолета, правый двигатель которого имел следы повреждения.

Сунигу немедленно доставили в иммиграционное бюро, «допрашивали» в течение четырех часов и успешно охраняли от репортеров. Начальник окружного отдела службы иммиграции и натурализации США Эдуард Аренс торжественно заявил, что фамилия летчика не будет оглашена, чтобы предотвратить репрессии в отношении его семьи, все еще остающейся на Кубе.

Однако, как это ни странно с точки зрения сохранения тайны, фотографам разрешили фотографировать безымянного летчика и его прошитый пулями самолет.

На следующее утро в газетах по всей стране были помещены фотографии таинственного летчика – высокого усатого человека в темных очках, с бейсбольной кепкой на голове.

Аренс опубликовал заявление безымянного летчика.

Теперь придуманная ЦРУ легенда передавалась по проводам информационных агентств по всему миру:

«Я один из двенадцати летчиков бомбардировщиков В-26, которые остались в военно-воздушных силах Кастро после дезертирства Педро Луиса Диаса Ланса¹ и последовавших за этим чисток.

Вместе с тремя моими товарищами-летчиками я в течение нескольких месяцев готовил побег с кастровской Кубы.

Позавчера я узнал, что одного из троих – лейтенанта Альвара Гало, летчика самолета В-26 с бортовым номером FAR 915, видели разговаривающим с агентом начальника разведки Рамиро Вальдеса.

Я предупредил двух других, и мы решили, что Альвара Гало, который всегда был трусоватым, по-видимому, предал нас. Мы решили действовать немедленно. Вчера утром нам была поставлена обычная задача на патрулирование района от моей базы, Сан-Антонио-делос-Баньос, до Пинар-дель-Рио и вокруг острова Пинос.

Я поговорил со своими друзьями в Кампо-Либертад, и они согласились со мной, что нужно действовать. Они должны были вылететь из Кампо-Либертад в 6 часов утра. Я вылетел в 6 часов 5 минут.

Мы решили проучить Альвара Гало за его предательство, поэтому я возвратился в Сан-Антонио и с двух заходов обстрелял его самолет и три других самолета, стоявшие неподалеку.

При уходе от аэродрома я был обстрелян и предпринял противозенитный маневр. Мои товарищи ушли от базы раньше, чтобы нанести удары по аэродромам, как мы договаривались. Затем, так как у меня было мало горючего, я был вынужден лететь в Майами, потому что до условленного места посадки я бы не смог долететь. Возможно, что, прежде чем покинуть страну, они полетели на штурмовку какого-то другого аэродрома, например Плайя-Баракоа, где Фидель держит свой вертолет».

В Нью-Йорке председатель Кубинского революционного совета доктор Хосе Миро Кардона – сладкоречивый человек с профессорской внешностью – не смог побороть соблазн и опубликовал составленное в пышных выражениях заявление. Из своей штаб-квартиры в гостинице «Лексингтон» Кардона приветствовал «героический подвиг во имя свободы Кубы... совершенный сегодня утром несколькими летчиками кубинских военно-воздушных сил». Он сказал, что это не было неожиданностью, так как «совет поддерживал связь с этими храбрыми летчиками и вдохновлял их». Заявление Кардоны было плохим ходом, как показали дальнейшие события.

¹ Педро Луис Диас Ланс – бывший командующий ВВС Кубы. (Здесь и далее примеч. авт., если не указано иного.)

Только в 9 часов утра, через три часа после налета, радио Гаваны объявило о бомбардировке. Но еще в 7 утра советский посол на Кубе Сергей Кудрявцев, старый сотрудник КГБ, был замечен поспешно покидающим свою официальную резиденцию в кубинском военном автомобиле с двумя офицерами кубинской армии. Журналистам не удалось выяснить, куда он направлялся. В полдень, когда на улицах Гаваны и на крышах домов появились милисиано, вооруженные чехословацкими автоматами, членов дипломатического корпуса вызвали в министерство иностранных дел и сообщили, что Куба имеет доказательства, что налетом руководили Соединенные Штаты. Фидель Кастро опубликовал коммюнике, в котором говорилось, что он поручил своей делегации в Организации Объединенных Наций «открыто обвинить правительство Соединенных Штатов в агрессии. Если этот воздушный налет является прелюдией к вторжению, вся страна окажет вооруженное сопротивление. Родина или смерть!». Он призывал информационные агентства США рассказать правду мировой общественности.

Это была нелегкая задача. В Ки-Уэсте командир военно-морской авиационной базы Бока-Чика контр-адмирал Родам Макэлрой заявил: «Здесь произвел посадку один из похищенных бомбардировщиков В-26, совершивших сегодня утром налет на Гавану».

В Белом доме секретарь по делам печати Пьер Сэлинджер отрицал, что ему что-либо известно о бомбардировках. Он сказал, что Соединенные Штаты собирают информацию.

Драма, начавшаяся до рассвета на аэродроме в джунглях Никарагуа, переместилась теперь на международную арену – в здание Организации Объединенных Наций на берегу Ист-Ривер в Нью-Йорке.

Представитель Кубы Рауль Роа вышел на трибуну в начале заседания Генеральной Ассамблеи, посвященного конголезскому кризису. «Сегодня, в 6 часов 30 минут утра, североамериканские самолеты...» – начал он.

Резкий стук деревянного молотка председателя Ассамблеи ирландца Фредерика Х. Боленда прервал речь кубинца. Боленд напомнил Роа, что этот вопрос не стоит на повестке дня Ассамблеи. Тогда советский представитель Зорин предложил созвать чрезвычайное заседание Политического комитета Ассамблеи, чтобы заслушать жалобу Кубы. Заседание комитета было назначено на вторую половину дня.

В 3 часа дня Роа выступил и обвинил Соединенные Штаты в «трусливом вероломном нападении» на Кубу с помощью наемников, обученных на территории Соединенных Штатов и в Гватемале «экспертами Пентагона и Центрального разведывательного управления». Он заявил, что семь человек было убито и многие ранены. Соединенные Штаты, добавил он, цинично пытаются утверждать, что налет был произведен дезертирами из кубинских военно-воздушных сил. Роа отметил, что заявление д-ра Кардоны о поддержании связи с теми, кто совершил налет, само по себе является нарушением законов о нейтралитете Соединенных Штатов.

Это был неприятный момент для представителя США в Организации Объединенных Наций Эдлая Стивенсона. Человек, который дважды баллотировался в президенты от Демократической партии только для того, чтобы увидеть победу Джона Ф. Кеннеди в 1960 году, теперь встал на защиту администрации. Только ближайшие советники Стивенсона знали в полной мере, насколько щекотливым и трудным было его положение. Позже распространился слух, что Стивенсону вообще ничего не было известно об операции в заливе Кочинос, но его советники знали фактическое положение дел.

Первоначально об обучении кубинских эмигрантов Стивенсон узнал из газетных сообщений. Незадолго до вторжения в неофициальной беседе с президентом Кеннеди, состоявшейся в жилых апартаментах Белого дома, он выразил некоторое опасение по поводу этих сообщений. Кеннеди тогда заверил Стивенсона, что – как бы дело ни обернулось – вооруженные силы США не будут использованы в каких-либо военных действиях на Кубе.

За два дня до налета, совершенного 15 апреля, высокопоставленный представитель ЦРУ навестил Стивенсона в Нью-Йорке. Это был Трэси Барнс, которому ЦРУ поручило информировать Государственный департамент о планах действий в заливе Кочинос по мере их разработки.

Информируя Стивенсона, Барнс туманно намекнул, что Соединенные Штаты не будут участвовать ни в одной из операций кубинских эмигрантов. Он рассказал о том, как кубинские эмигранты действуют с заброшенных аэродромов; он упомянул о радиостанции эмигрантов, принадлежащей ЦРУ, на острове Суон в Карибском море. Стивенсон знал, что Барнс работает в ЦРУ, и чем больше двусмысленных заверений Барнса он слышал, тем больше убеждался, что Соединенные Штаты замешаны в этом деле.

Барнс не упомянул, что вторжение должно было начаться в конце недели. Не сказал он и о том, что оно даже было неизбежным. В результате Стивенсон, возможно, и не связывал непосредственно бомбардировку 15 апреля с информацией, которую он получил за два дня до этого от представителя ЦРУ.

В то утро во Флориде приземлились два самолета. «Эти летчики и некоторые другие члены экипажей, – сказал Стивенсон, – по-видимому, бежали от тирании Кастро. Никто из американских граждан не принимал в этом участия. Не принимал также в этом участия ни один самолет правительства США. Эти два самолета, насколько нам известно, принадлежали военно-воздушным силам самого Кастро и, как показывают летчики, поднялись в воздух с военных аэродромов Кубы».

Затем Стивенсон показал фотоснимок самолета Суниги, опубликованный агентством Юнайтед Пресс Интернейшнл. «Вот снимок одного из этих самолетов, – сказал он. – Прямо на хвосте у самолета опознавательные знаки военно-воздушных сил Кастро – это может видеть каждый своими глазами. Отчетливо видны кубинская звезда и буквы FAR. Разрешите мне прочесть заявление летчика, произведшего посадку в Майами, которое только что получено по телефону». И он полностью воспроизвел текст легенды Суниги. Он добавил, что приняты меры по задержанию кубинских самолетов, совершивших посадку во Флориде; что им не будет разрешен вылет.

Заседание ООН завершилось в 16:05.

Весна – прекраснейший сезон в холмистых охотничьих районах Вирджинии. Однако в воскресенье 16 апреля у президента Кеннеди, находившегося в своем поместье Глен-Ора около Миддлберга, было мало времени, чтобы любоваться ею. Он был глубоко озабочен. И ему совсем не понравилось то, что он прочел в воскресном выпуске «Нью-Йорк таймс».

Кеннеди и его советники не предполагали, что бомбардировки и история летчика-«дезертира», совершившего посадку в Майами, получают такую широкую гласность.

По всей стране утренние газеты обыгрывали сообщение о бомбардировках с различной степенью осторожности.

Многие газеты опубликовали сообщение Ассошиэтед Пресс с Кубы, в котором прямо говорилось, что «летчики военно-воздушных сил премьер-министра Фиделя Кастро подняли сегодня мятеж и нанесли бомбовые и ракетные удары по трем важнейшим авиабазам Кастро».

Однако влиятельная «Нью-Йорк таймс» не решалась принять это сообщение за чистую монету. Статья Теда Шульца, присланная из Майами, была составлена в осторожных выражениях. Он ставил, например, вопрос: откуда Кубинскому революционному совету было заранее известно о дезертирстве летчика? Ведь сам летчик, приземлившись в Майами, заявил, что они весьма поспешно бежали. Руби Харт Филлипс прислала из Гаваны столь же осторожно сформулированное сообщение.

И вашингтонское бюро газеты «Таймс» в то воскресенье пыталось получить интервью на дому у официальных лиц. Бюро пыталось поспешно восстановить всю историю, выделяя «странные обстоятельства». Помимо вопроса о том, как Кардона узнал о дезертирстве заранее,

«Таймс» интересовало, почему фамилия летчика не была объявлена в Майами, хотя была разрешена публикация снимков, на которых отчетливо видны его лицо и номер 933 на носу его бомбардировщика². «Таймс» задавала вопрос: не может ли Гавана быстро установить личность летчика кубинских ВВС, сбежавшего на бомбардировщике В-26?

Другие журналисты в Вашингтоне и Майами спрашивали, где находится третий самолет, если дезертировали три летчика. Один из репортеров в Майами увидел пулевые пробоины, но отметил, что шарниры створок бомболюка самолета В-26 с номером 933 были покрыты пылью и смазкой и что из пулеметов самолета, по-видимому, не стреляли. Кроме того, бомбардировщики В-26 ВВС Кастро имели носовые кабины с плексигласовым остеклением, а пушки на них были установлены под крылом; у этого же В-26 в носовой части фюзеляжа было восемь крупнокалиберных пулеметов.

Произошло неизбежное столкновение секретной правительственной машины и прессы. В результате стал обнаруживаться провал операции в заливе Кочинос. Как это понял президент Эйзенхауэр еще во время фиаско с самолетом U-2 и как это почувствовал президент Кеннеди, крайне трудное и рискованное дело – попытка правительства обмануть прессу и страну для того, чтобы прикрыть тайную операцию.

В Гаване состоялись похороны жертв бомбардировок. Фидель Кастро в своей речи на похоронах сравнил эти налеты с нападением на Пёрл-Харбор. Он сказал, что японцы по крайней мере, приняли на себя всю ответственность за нападение, а «президент Соединенных Штатов похож на труса... который, бросив камень, прячет руку». Касаясь легенды летчика, он сказал, что «даже Голливуд не стал бы пытаться снимать фильм по такому материалу».

Однако в Майами представитель иммиграционных властей Аренс продолжал придерживаться сценария. Он заявил, что летчикам, приземлившимся во Флориде, предоставлено политическое убежище. Однако Аренс по-прежнему не называл их фамилий. «Они не хотят обнародования своих фамилий или какой-либо другой информации о себе», – заявил он корреспондентам Юнайтед Пресс Интернейшнл.

Из Никарагуа вылетело девять бомбардировщиков В-26. Один был сбит, а три произвели посадку соответственно в Ки-Уэсте, на острове Грейт-Кайман и в Майами. Два летчика погибли. Но пять бомбардировщиков возвратились в Хэппи-Вэлли. Несмотря на тяжелые потери, неприятности с легендой Суниги и дискуссией в ООН, Ричард Биссела ободрил частичный успех налета, совершенного 15 апреля. ЦРУ был известен элементарный военный принцип: ни одна морская десантная операция не проводится без авиационного прикрытия участков высадки или без полного уничтожения авиации противника на земле. Операция в заливе Кочинос предусматривала второе. Бомбардировщики В-26 эмигрантов должны были уничтожить авиацию Кастро на земле, поэтому отпадала необходимость в авиационном прикрытии участков высадки. Первоначально планировалось нанесение трех мощных ударов самолетами В-26. Затем план был сокращен до двух ударов умеренной силы.

Второй удар планировалось нанести на рассвете в понедельник 17 апреля, когда эмигрантские войска вторжения численностью 1400 человек начнут бои за захват побережья.

По данным ЦРУ, авиация Кастро состояла по меньшей мере из четырех реактивных учебно-тренировочных самолетов Т-33, шести-восьми бомбардировщиков В-26 и нескольких скоростных поршневых истребителей «Си Фьюри» английского производства. Данные возвратившихся летчиков-эмигрантов о количестве уничтоженных самолетов Кастро были различными. Они утверждали, что уничтожили от двадцати двух до двадцати четырех самолетов. Сведения летчиков часто бывают преувеличенными, но Биссел знал, что по крайней мере

² Когда эта статья появилась в «Таймс», она вызвала особое раздражение президента Кеннеди. Он понял, что в ней перечислялись главные ошибки в легенде, составленной ЦРУ.

несколько самолетов В-26 уничтожено. Он надеялся, что во время следующего налета, в понедельник, уничтожение авиации Кастро будет завершено.

Однако политические соображения стали доминировать над тактическими планами. Составленная ЦРУ легенда Суниги начала рушиться. Стало быстро выпирать наружу участие в инциденте Соединенных Штатов. План ЦРУ строился на предположении, что легенда Суниги продержится, по крайней мере, сорок восемь часов. В таком случае второй воздушный налет либо выглядел бы как дело рук восставших летчиков Кастро, либо вообще не привлек бы к себе особого внимания в общей сумятице вторжения.

ЦРУ рассчитывало, что если можно будет захватить и удержать аэродром у залива Кочинос, то уже во вторник, 18 апреля, можно будет опубликовать снимки самолетов В-26, действующих с территории Кубы. Это, как предполагало ЦРУ, отвлекло бы внимание от вопроса о том, откуда вылетали эти бомбардировщики 15 и 17 апреля. Проблема заключалась лишь в том, чтобы продержаться с легендой о «дезертировавших» летчиках с субботы до вторника. После этого легенда, рассказанная Сунигой, утратит значение: ее поглотят события.

Сейчас ситуация коренным образом изменилась. Все зависело от легенды Суниги. Поскольку в этой легенде быстро обнаруживались прорехи, мог ли президент разрешить второй налет самолетов В-26 в понедельник и в то же время убеждать весь мир, что каким-то образом еще одна группа летчиков Кастро дезертировала из ВВС Кубы? Президент решил, что он не может сделать этого.

Поскольку Аллен Даллес был в Пуэрто-Рико, операцией от имени ЦРУ руководил Биссел. 16 апреля, в воскресенье, в 9 часов вечера Бисселу позвонил Макджордж Банди – influential помощник президента по делам национальной безопасности. В свое время Банди был студентом у Биссела в Йельском университете. Сейчас он звонил Бисселу, чтобы сказать, что президент решил отменить налет бомбардировщиков В-26 на авиабазы Кастро, намеченный на день «Д», то есть на следующий день.

Встревоженные решением президента, принятым в последний момент, Биссел и заместитель начальника ЦРУ генерал Чарльз Кейбелл поспешили в Госдепартамент, чтобы просить помощи у государственного секретаря Дина Раска.

Воздушный налет является важным элементом плана вторжения, и его нельзя отменить, заявили Биссел и Кейбелл, в противном случае Кастро будет иметь в своем распоряжении реактивные и другие самолеты для нанесения ударов по высаживающимся войскам. Было уже 10 часов вечера. Из своего кабинета в Государственном департаменте Раск позвонил Кеннеди в Глен-Ора. Он сказал президенту, что у него находятся Кейбелл и Биссел, которые считают необходимым провести воздушный налет, как это запланировано. Президент ответил отказом. Раск спросил, не желает ли Кейбелл сказать что-нибудь президенту лично. Кейбелл отказался, Биссел также не говорил с Кеннеди, а за две тысячи километров отсюда флот вторжения уже приближался к месту высадки.

Из Государственного департамента Биссел возвратился в свой кабинет и около 11 часов вечера передал в Хэппи-Вэлли приказ о том, что бомбардировщики В-26 не должны наносить удар по авиабазам Кастро. Начался обмен телеграммами между Никарагуа и Вашингтоном, и в конце концов было решено, что бомбардировщики должны были только попытаться обеспечить авиационное прикрытие участков высадки. В Хэппи-Вэлли это изменение приказа вызвало страх и смятение.

Операция в заливе Кочинос была настолько секретной, что многие высокопоставленные лица в правительстве не были посвящены в нее. Заместитель начальника ЦРУ по информации Роберт Эмори-младший не был официально информирован об этой операции, хотя в то воскресенье он был старшим дежурным по ЦРУ. Начальник управления разведки и исследований Государственного департамента Роджер Хилсмен тоже ничего не знал об этой операции. Знал о ней комитет начальников штабов, возглавляемый генералом Лайменом Лемницером. С

комитетом консультировались, и он одобрил план с некоторыми оговорками. Второй воздушный налет был важным элементом этого плана. Теперь этот элемент внезапно исключался президентом. Начальник главного морского штаба адмирал Арли Бэрк, корабли которого находились в районе залива Кочинос, узнал об отмене второго воздушного налета только через десять часов – в 7 часов утра в понедельник.

В первые напряженные часы 17 апреля Биссел и Кейбелл поддерживали связь с Хэппи-Вэлли и с неуверенностью ожидали рассвета. В 4 часа утра Кейбелл не выдержал. Он решил вновь обратиться за помощью к Раску.

По темным улицам столицы Кейбелл поехал к Раску в гостиницу «Шератон-Парк». В апартаментах Раска он вновь выразил свои опасения по поводу отмены воздушного налета. Несмотря на ранний час, государственный секретарь еще раз позвонил президенту в Миддлберг.

На этот раз Кейбелл говорил с президентом лично. На просьбы представителя ЦРУ президент вновь ответил отказом.

Свет допоздна горел в окнах номера Раска. Снаружи улицы столицы были пустынные, город спал. Легкий весенний ветерок ласкал светло-зеленые, только что развернувшиеся листья на деревьях. В заливе Кочинос мужчины уже сходили на берег. Но у Кастро все еще были самолеты и готовы были посеять хаос в рядах бригады эмигрантов на плацдарме.

Прошло сорок восемь часов с того момента, как Марио Сунига вылетел из Хэппи-Вэлли. Вторжение начиналось. Но в действительности оно уже закончилось.

Глава 2. Подготовка вторжения

Все началось в один из апрельских дней 1960 года, когда в кабинет Роберто Алехоса в столице Гватемалы вошли два посетителя.

Алехос, красивый, атлетического сложения бизнесмен, был одним из самых богатых владельцев кофейных плантаций в Гватемале. Его брат Карлос был послом Гватемалы в Вашингтоне. Ему принадлежали две огромные плантации, причем в отдаленных районах Гватемалы. А кроме всего прочего, он являлся ближайшим другом, сторонником и советчиком президента Гватемалы Мигеля Идигораса Фуэнтеса, отличавшегося тем, что его действия никто не мог предсказать заранее.

Посетители были американцами. Один из них, Роберт Кендалл Дэвис, был близким другом Алехоса. Он считался первым секретарем американского посольства в Гватемале. Уроженец Калифорнии, сорокатрехлетний мужчина с седеющими висками, он был похож на дипломата. Но в умудренных опытом политических и дипломатических кругах столицы Гватемалы хорошо знали, что Дэвис является главным представителем ЦРУ в Гватемале. Сопровождавший его представитель ЦРУ был менее известен – он только недавно возвратился в Гватемалу после трехлетнего отсутствия.

Дэвис и его спутник явились по важному вопросу. Они хотели знать, может ли Алехос помочь в организации тайных учебных центров в Гватемале для кубинских эмигрантов, настроенных против Кастро. Они также хотели знать, может ли Алехос помочь им встретиться с президентом Гватемалы.

У ЦРУ были все основания подходить к Идигорасу осторожно. Как там было известно, президент чувствовал, что Соединенные Штаты считают его заблуждающимся политиком. Избрание его на пост президента, происшедшее два года назад, было встречено в Вашингтоне без всякого энтузиазма, и Идигорас знал это.

В конце января 1958 года, когда конгресс Гватемалы еще не избрал его официально президентом, его посетил в апартаментах гостиницы «Майя Эксельсиор» таинственный американец.

Как рассказывал позже сам Идигорас в телевизионной передаче, транслировавшейся по всей стране, посетитель, назвавшийся мистером Карром, открыл чемодан, в котором было 500 тысяч американских долларов, и предложил их Идигорасу, если тот снимет свою кандидатуру. ЦРУ было известно, что Идигорас, отказавшись от денег, так или иначе пришел к выводу, что «мистер Карр» являлся агентом ЦРУ, хотя прямых доказательств этого и не было.

А теперь ЦРУ хотело, чтобы Идигорас поставил на карту свою политическую карьеру, разрешил Соединенным Штатам создать на территории Гватемалы секретные учебные центры. Когда Алехос заговорил с ним об этом, Идигорас согласился встретиться тайно с Дэвисом в своей частной резиденции Каса-Крема, расположенной на территории военной школы. (По понятным причинам Идигорас не захотел жить в президентском дворце, где 26 июля 1957 года был убит президент Карлос Кастильо-Армас. Кастильо-Армас пришел к власти в 1954 году в результате организованного ЦРУ переворота, когда был свергнут президент Хакобо Арбенс Гусман, чей режим был поддержан коммунистами.)

Во время беседы с Дэвисом и Алехосом президент Идигорас, которому были не нужны ни коммунисты, ни Кастро, согласился разрешить кубинским эмигрантам вести подготовку на территории Гватемалы. Он поручил Роберту Алехосу заняться детально этим планом. Теперь Гватемала должна была стать плацдармом для вторжения на Кубу с целью свержения режима Фиделя Кастро.

Представители ЦРУ сказали Алехосу, что под учебные лагеря лучше всего использовать частные поместья, принадлежащие заслуживающим доверия владельцам.

Алехос предложил свои собственные плантации. Представители ЦРУ, осмотрев несколько участков, выбрали в качестве основной базы Гельвецию – кофейную плантацию Алехоса в Бока-Коста, горном районе на юго-западе Гватемалы, на побережье Тихого океана.

Гельвеция особенно подходила для планов ЦРУ. К ней не было подъездных путей; это было поместье площадью около 2000 гектаров, со 100 километрами внутренних частных дорог. Поместье поднималось до высоты почти 2500 метров по склонам вулкана Сантьяго.

Учебный лагерь, или, как его стали называть, база Тракс, был расположен на местности, возвышающейся на 1200 метров над уровнем моря, значительно выше центральной усадьбы, и не просматривался оттуда. Ближайшим населенным пунктом была заброшенная деревушка Сан-Фелипе. Другой город в этом районе – Реталулеу – находился в 25 километрах от Гельвеции. На ранчо можно было с полной безопасностью вести стрельбы и проводить военные учения.

Вся плантация усиленно охранялась, поэтому было маловероятным, что какой-нибудь любопытный незнакомец натолкнется на лагерь кубинских эмигрантов или проникнет в его секреты. При условии мирного поведения вулкана американцы получили бы здесь идеальное горное убежище для подготовки эмигрантов, которые должны были свергнуть Фиделя Кастро. Вновь бы полностью повторились события, имевшие место в Гватемале в 1954 году.

Американцы, посетившие Роберто Алехоса в «Эджрисии Таунсон» в тот апрельский день 1960 года, действовали от имени президента Соединенных Штатов. Их визит был прямым результатом приказа, отданного президентом Дуайтом Эйзенхауэром 17 марта 1960 года³.

В тот день Эйзенхауэр утвердил план тайного обучения и вооружения кубинских мятежников.

Задачу по реализации этого плана президент возложил на Аллена Даллеса, а тот, в свою очередь, поручил выполнение плана Бисселу.

Ричард Мервин Биссел, очень умный человек, умеющий прекрасно говорить, не соответствовал распространенному представлению о крупном шпионе – впрочем, как и сам Даллес. Биссел любил называть себя «человеком большого риска», и именно он руководил программой ведения разведки с использованием шпионских самолетов U-2.

Биссел окончил Гротон, Йельский университет и Лондонскую школу экономики. Он защитил докторскую диссертацию в Йельском университете в 1939 году, преподавал экономику там и в Массачусетском технологическом институте, а во время Второй мировой войны работал в Управлении военного судоходства. В 1948 году он присоединился к плану Маршалла, дослужившись до должности главы Администрации экономического сотрудничества. В 1954 году Биссел поступил на работу в ЦРУ.

Первоначальный план ЦРУ, разработанный под руководством Биссела, предусматривал создание на Кубе подполья путем длительного, постепенного проникновения туда эмигрантов, обученных в Гватемале.

Одного из самых энергичных агентов, действовавшего под именем Фрэнк Бендер, ЦРУ назначило своим главным представителем по связи с разрозненными группами кубинских эмигрантов. Бендер, чье настоящее имя тщательно скрывалось, стал для кубинских эмигрантов почти мифической фигурой. Как говорили, в последующие месяцы он появлялся везде – в Нью-Йорке, Майами и Гватемале. После событий в заливе Кочинос его, как утверждают, видели в Конго.

³ Эту дату назвал Эйзенхауэр на пресс-конференции в Цинциннати 13 июня 1961 года – после катастрофического провала в заливе Кочинос. Бывший глава государства сказал, что, находясь на посту президента, он отдал приказ «принять меры по оказанию помощи этим людям в их организации, обучении и вооружении».

Большинство эмигрантов считало Бендера европейцем, сражавшимся в годы Второй мировой войны в рядах французских маки. По другим сведениям, Бендер помогал союзному командованию в планировании вторжения в Северную Африку в 1942 году.

Те, кто встречался с ним, описывают его как плотного человека среднего роста, в возрасте свыше пятидесяти лет. Он курил трубку, носил очки, имел приятные манеры и поражал всех хорошим знанием истории. Свой штаб Бендер основал в Нью-Йорке, который вместе с Вашингтоном, Майами и Реталулеу составил четыре ключевых центра по подготовке и руководству операциями.

Первой задачей ЦРУ было попытаться как-то сплотить разрозненные, экспансивно настроенные группы эмигрантов и подобрать им надежных руководителей.

Наиболее многообещающим из кубинцев был Мануэль Артима Буэса, молодой пламенный оратор, сражавшийся вместе с Кастро в горах в 1958 году. Когда 1 января 1959 года Кастро свергнул диктатора Батисту и стал премьер-министром, Артима стал работать в Институте аграрной реформы. Однако позже, в том же году, Артима порвал с Кастро и бежал с Кубы на лодке. Теперь, двадцати восьми лет от роду, воинственно настроенный против Кастро, он был генеральным секретарем партии «Движение за революционное восстановление» в Майами.

Другим кубинским лидером, с которым ЦРУ установило связь на ранней стадии планирования, был Мануэль Антонио де Барона, бывший премьер-министр Кубы при президенте Карлосе Прио Сокаррасе, свергнутом Батистой.

К концу мая 1960 года пять групп эмигрантов составили «революционный фронт», причем Барона координировал работу групп.

На совещании в Нью-Йорке ЦРУ обещало финансовую поддержку вновь образованному «фронту». Бендер направил в Майами агентов. ЦРУ начало перекачивать «фронту» и его приемнику – «кубинскому революционному совету» – суммы, которые в конечном счете достигли миллионов долларов. Средства ЦРУ были помещены в один из банков Майами, и «фронт» получал деньги по чекам, подписанным неким бухгалтером Хуаном Паулой.

Вербовались первые эмигранты для отправки в учебные центры. В тихих улочках на окраинах Майами, в барах, гостиницах, старых меблированных домах, где жили кубинские эмигранты, стали распространяться слухи, что приближается какое-то крупное событие.

Иногда их руководители вылетали в Нью-Йорк для переговоров с ЦРУ. Когда назревал какой-либо кризис, в Майами летел Бендер. Тогда среди эмигрантов распространялась весть: «Прилетает г-н Б.».

В мае 1960 года, менее чем через месяц после встречи Дэвиса с Алехосом, в поместье Гельвеция прибыли первые кубинцы. Группа в тридцать два человека прибыла в Гватемалу в качестве «геодезистов». В Гельвеции их готовили как специалистов по связи.

У Алехоса уже были средства радиосвязи с остальной частью поместья; теперь ЦРУ значительно расширило их и установило на складе рядом с главным зданием.

Первая группа кубинцев комфортабельно устроилась в доме Алехоса для гостей. Но так как в Гельвецию прибывало все больше эмигрантов, на склоне горы создавалась база Траке, и строительство казарм здесь было завершено в июне. База была также известна под кодовым названием «Вакеро». В качестве прикрытия для всей операции командование гватемальской армии разрешило Алехосу проводить на ранчо подготовку четырехсот гватемальских солдат. Эти солдаты дублировали вооруженную охрану с целью не допустить проникновения в район базы Тракс чересчур любопытных лиц и рабочих кофейной плантации. На базе разместились также инструкторы и специалисты из ЦРУ по снабжению и учету.

Кроме Гельвеции подготовка велась еще в двух местах. Алехос владел сахарной плантацией в Сан-Хосе-де-Буэна-виста, на полпути между Реталулеу и городом Гватемала. Местность здесь оказалась идеальной для парашютной подготовки и массовых полевых учений. Отработка высадки с моря производилась на Тихоокеанском побережье, южнее Реталулеу.

В июле ЦРУ начало строить секретный аэродром около Реталулеу. Уже имевшаяся здесь до этого посадочная площадка не годилась для приема самолетов С-46, С-54 и В-26, которые предстояло сюда перебросить. Заказ на постройку аэродрома был передан крупной американской строительной фирме «Томпсон-Корнуолл». Эта фирма, уже производившая строительные работы в Гватемале, имела в этом районе необходимое строительное оборудование.

Во всех финансовых сделках в Гватемале за ЦРУ выступал Алехос, он же подписал и контракт на строительство аэродрома⁴. Первоначальный взнос за мощение составил 450 000 долларов. В общей сложности взлетно-посадочная полоса и объекты авиабазы в Реталулеу обошлись ЦРУ в 1 200 000 долларов.

В августе срочная работа по строительству аэродрома была закончена. Поскольку существование современного аэродрома в центре заброшенного района нужно было чем-то объяснить, иностранным дипломатам в Гватемале сказали, что он построен для экспорта фруктов и мороженных креветок. Президент Идигорас, его сын и советник Мигелито Идигорас и представители дипломатического корпуса прибыли в Реталулеу на церемонию открытия.

Однако некоторые из наиболее наблюдательных дипломатов с удивлением заметили, что на самолетах, которые должны были перевозить фрукты и дары моря, не было абсолютно никаких опознавательных знаков.

Когда они сказали об этом Мигелито, тот не растерялся. «Эти самолеты, – сказал он успокаивающе, – для того здесь и стоят, чтобы на них нарисовали опознавательные знаки».

Подготовка эмигрантов продвинулась вперед и в Соединенных Штатах. В Майами инструкторы ЦРУ обучали их обращению с оружием и партизанской тактике. Подготовка велась в районе Эверглейдс и даже в гостиницах Майами. В Луизиане проходила подготовку группа под руководством Ихинио (Ниньо) Диаса из «Движения за революционное восстановление».

С завершением строительства аэродрома в Реталулеу можно было вплотную заняться переброской по воздуху кубинских эмигрантов из Флориды в Гватемалу. Порядок всегда был один и тот же. Какой-либо кубинец устанавливал связь с ЦРУ через эмигрантские группы. Если он выдерживал предварительную проверку, то его ночью приводили в «секретный дом» ЦРУ, а оттуда тайно переправляли по воздуху из таинственного, тщательно охраняемого аэропорта Опа-Локка около Майами в Реталулеу. Иногда для тайных полетов использовались другие аэродромы во Флориде, и у ЦРУ время от времени случались неприятности из-за чересчур ретивых местных полицейских. Офис шерифа округа Хендри однажды расследовал сообщение о том, что самолеты без опознавательных знаков ночью забирали группы мужчин с заброшенной взлетно-посадочной полосы в Клевистоне, штат Флорида, недалеко от озера Окичоби. После того как шериф начал наводить справки, мужчины исчезли. Незадолго до полуночи 27 октября 1960 года ЦРУ еще раз едва не столкнулось с местными блюстителями закона, когда самолет с выключенными бортовыми огнями приземлился в Опа-Локке. Поскольку это место не использовалось военно-морскими силами в качестве аэродрома уже в течение пяти лет, патрульный из Майами связался по рации с полицией Опа-Локка, чтобы провести расследование. Они это сделали, но часовой отмахнулся, объяснив, что «просто у самолета кончился бензин».

Тем временем ЦРУ не оставляло без внимания пропагандистский фронт.

В августе 1960 года к делу привлекли Лема Джонса, ветерана нью-йоркского отдела по связям с общественностью и бывшего пресс-секретаря Уэнделла Уилки. Джонс когда-то работал на «Двадцатый век Фокс», но это вряд ли помогло бы ему в постановке, в которой он собирался участвовать сейчас.

⁴ Дэвис от имени ЦРУ продолжал координировать из посольства в Гватемале действия по подготовке операции против Кубы. Послу США Джону Дж. Муччо было в общем известно, что происходит на ранчо Гельвеция, однако официально он не был связан с этим делом, поскольку операция была «черной».

У Джонса был друг в ЦРУ. Он решил позвонить ему, чтобы убедиться, что его представление интересов кубинских эмигрантов будет отвечать национальным интересам. Он назвал ему имена некоторых кубинцев.

Полчаса спустя человек из ЦРУ перезвонил. Он казался удивленным. «Вы понимаете, – спросил он Джонса, – во что ввязались? – Затем он понизил голос: – С вами хотели бы встретиться наедине».

Это стало началом серии секретных встреч между Джонсом и людьми из ЦРУ. Иногда встречи проходили в гостиничных номерах; сотрудники ЦРУ также выбирали Центральный вокзал. Таким образом, Джонс отчитывался ЦРУ о своей пропагандистской деятельности, которую, в свою очередь, ЦРУ и финансировало.

Джонс пережил сильнейшую встряску в сентябре 1960 года, когда Кастро прибыл в Нью-Йорк на сессию Организации Объединенных Наций, чего стоил скандал с кубинской делегацией в отеле «Шелбурн» на Манхэттене. Стараясь противостоять симпатиям к Фиделю Кастро в Нью-Йорке, ЦРУ решило отправить из Майами на Манхэттен два автобуса с кубинскими матерями в составе «Марша скорби».

ЦРУ профинансировало и организовало марш, который должен был завершиться молитвой матерей в соборе Святого Патрика. Но когда зафрахтованные автобусы покинули Майами, в салонах не было ни одного сотрудника ЦРУ. Тем временем Джонс тщательно подготовился к освещению событий на телевидении и в газетах, но автобусы с матерями задержались на два дня. Возникли проблемы, когда марш медленно продвигался на север. Только одна женщина в автобусе говорила по-английски, четыре женщины были беременны, и автобусам приходилось останавливаться по их просьбе каждые несколько миль.

Наконец выбившийся из графика марш прибыл в Вашингтон. ЦРУ, которое не могло публично демонстрировать свою причастность, поспешно позвонило Джонсу в Нью-Йорк и попросило его помочь в организации рекламы в столице. Джонс связался со знакомым сотрудником прессы в Вашингтоне, который сделал все, что мог.

На следующий день «Марш скорби» достиг Филадельфии, где Джонс приказал задерживать его. Ему снились кошмары, в которых автобусы въезжали в Нью-Йорк глубокой ночью, без освещения в прессе. Утром автобусы дотащились до Манхэттена; к большому облегчению Джонса, снимки матерей, молящихся в соборе Святого Патрика, попали в нью-йоркские газеты.

В Вашингтоне в это время разворачивались важные события. В то время как Ричард Никсон и Джон Кеннеди вели борьбу за пост президента⁵, план ЦРУ под руководством Биссела претерпевал постепенные изменения. Первоначальный замысел высадки отдельных партизанских отрядов вырос в идею более крупной операции, которая, по существу, являлась вторжением.

К октябрю было решено, что высадку на Кубе поздней осенью осуществит группа в составе около четырехсот человек. Она должна была стать крупным, хорошо подготовленным и хорошо оснащенным партизанским отрядом на Кубе. Она должна была явиться ядром, вокруг которого сплотились бы другие партизаны. Предусматривалась широкая программа снабжения по воздуху и усиления партизанских групп в горах Эскамбрай, Сьерра-Маэстра и в других районах Кубы. Предметы снабжения должны были также доставляться агентами ЦРУ на небольших лодках.

Для осуществления полетов над Кубой с целью выброски с воздуха предметов снабжения ЦРУ были необходимы легчики. История Серхио Гарсии, одного из тех, кто выполнял эти миссии, довольно типична.

⁵ Как будет показано в одной из последующих глав, подготовка к вторжению играла важную роль в тайных закулисных расчетах обоих лагерей – и Никсона, и Кеннеди – в ходе президентской кампании 1960 года.

В августе 1960 года Гарсии удалось тайно вывезти жену и новорожденного сына из Гаваны в Майами. Две ночи спустя после проверки на детекторе лжи в мотеле на Сеговия-стрит в Корал-Гейбл его самолетом ЦРУ доставили в Гватемалу.

Некоторое время Гарсия практиковался в высадке парашютистов и грузов близ Реталулеу. В ноябре он начал летать на С-46 над Кубой, сбрасывая припасы в Эскамбрае. Вооружения на С-46 не было, зато имелись опознавательные знаки ВВС Кастро.

Авиационной подготовкой в Реталулеу руководил американец – сотрудник ЦРУ, которого знали как полковника Билли Карпентера. В целом за период с ноября 1960 по март 1961 года летчики-эмигранты совершили десятки полетов над Кубой.

Летчикам, летавшим над территорией Кубы, говорили, что в случае захвата противником они должны заявить, что служат в авиатранспортной компании братьев Алехос и что сбились с курса. Все документы требовалось уничтожить заранее. Им был сообщен номер телефона некоего господина Г. в Майами; в случае вынужденной посадки вне пределов Кубы они должны были немедленно связаться с ним.

Гарсия в Реталулеу проходил инструктаж с американскими специалистами из ЦРУ, и ему было сказано искать огни, которые будут гореть в назначенном месте и в назначенное время в течение примерно десяти минут.

Полеты должны были проходить над морем на небольшой высоте, чтобы избежать радаров Кастро. Но поскольку Гарсия часто сталкивался с зенитным огнем в районах, которые считались дружественными, он пришел к выводу, что контакты ЦРУ с кубинским подпольем недостаточно отработаны.

Он был прав. Вернувшись в Вашингтон, Бисселл и другие оперативные сотрудники ЦРУ выразили озабоченность низкой эффективностью воздушных десантирований. Почти все без исключения они были осуществлены должным образом, но оружие и боеприпасы редко достигали своих целей.

У Биссела постоянно возникали трудности с доставкой грузов для партизан. Он понимал, что, пока у партизан не будет радиостанций, небольших радиомаяков и одного-двух подготовленных человек на месте выброски, сброшенные грузы не будут попадать по назначению. Если бы партизанский отряд мог установить кодированную связь по радио с отправителями грузов за десять-двенадцать часов до выброски и сообщить о любом изменении в своем местонахождении, доставка грузов была бы более успешной. Но партизаны на Кубе поддерживали связи, направляя своих связных в Гавану, а это был медленный и неэффективный способ связи.

ЦРУ не могло послать на Кубу рации, радиомаяки и подготовленных специалистов; отчасти это было связано с тем, что Кастро создавал контрразведывательную сеть гораздо быстрее и эффективнее, чем можно было ожидать.

Кастро развернул крупные силы вокруг горного района. Установив кордон, он прервал движение связных и отправку продовольствия в горы.

Затруднения ЦРУ усиливались еще и потому, что были случаи утечки информации, и в результате этого контрразведчики Кастро арестовывали американских агентов. Донесения терялись, и все шло не так, как надо.

Поздней осенью погода испортилась, и доставлять снаряжение для партизан на небольших лодках стало невозможно. Позднее на лодках переправлялись тонны грузов, но ЦРУ никогда не было уверено, что, будучи доставленными на Кубу, они распределялись правильно.

Короче говоря, по разным причинам ЦРУ так и не удалось организовать на Кубе надежное и эффективно работающее подполье.

Вследствие этого ЦРУ решило отказаться от идеи партизанской борьбы и вторгнуться на Кубу крупными силами.

13 ноября 1960 года часть гватемальской армии восстала против президента Идигораса и захватила Пуэрто-Барриос, порт на Карибском море. Кубинским летчикам-эмигрантам было

приказано оказать помощь в подавлении мятежа. По-видимому, ЦРУ считало, что, если Идигорас будет свергнут, новое правительство может закрыть учебные центры.

Один кубинский летчик вел самолет С-46 с солдатами на Пуэрто-Барриос, в то время как бомбардировщики В-26, принадлежавшие ЦРУ, наносили удар по опорному пункту мятежников. Этот летчик почти уже посадил свой самолет в аэропорту Пуэрто-Барриос, ошибочно считая, что аэропорт находится в руках правительственных войск. Когда его самолет обстреляли, летчик немедленно взлетел, так и не высадив солдат. То, что в подавлении мятежа приняли тайное участие кубинские и американские летчики, пилотировавшие самолеты В-26, проливает дополнительный свет на операцию в заливе Кочинос.

Мятеж в гватемальской армии был быстро ликвидирован, и потенциальная угроза учебным центрам ЦРУ была устранена. Но позже некоторые гватемальские политики связывали мятеж с существованием учебных центров. Таким образом, самолеты и летчики ЦРУ были использованы для подавления внутреннего мятежа в Гватемале, и мировая общественность об этом не знала.

18 ноября 1960 года, через десять дней после своей победы, вновь избранный президент Кеннеди вызвал Даллеса и Биссела в Палм-Бич, чтобы выслушать отчет о ходе подготовки операции против Кубы.

Сообщения о подготовке уже начали проникать в прессу. Началось это в Гватемале 30 октября, когда газета «Ла Ора» опубликовала на первой полосе статью, в которой открыто заявлялось, что «в Гватемале полным ходом идет подготовка вторжения на Кубу, осуществляемая не нашей страной...».

Вскоре гватемальцы заговорили о деятельности ЦРУ на ранчо Алехоса. В ноябре журнал «Хиспаник америкэн рипорт» опубликовал статью о базе в Реталулеу. Этот научный журнал имеет ограниченный тираж, но разоблачения Хилтона были подхвачены имеющим широкий круг читателей журналом «Нэйшн», который в номере от 19 ноября поместил статью под заголовком «Готовим ли мы кубинских партизан?».

Завеса секретности, которой ЦРУ по необходимости прикрывало операцию на Кубе, стала угрожающе приподниматься.

В январе правительство Эйзенхауэра сменилось правительством Кеннеди. 3 января президент Эйзенхауэр в качестве одной из последних своих внешнеполитических акций порвал дипломатические отношения с Кастро. Журнал «Нэйшн» в номере от 7 января поместил подробный отчет о базе в Реталулеу. Вскоре на ЦРУ обрушилась серьезная неприятность. 10 января на первой полосе «Нью-Йорк таймс» появилась статья Пола Кеннеди, переданная из Реталулеу. В статье о ЦРУ не упоминалось, но в ней говорилось, что подготовка на базе ведется под руководством «иностранный персонал, большей частью прибывшего из Соединенных Штатов».

В Гватемале и Вашингтоне поспешно опубликовали опровержения. Представитель Государственного департамента Линкольн Уайт заявил: «Что касается сообщения о некоей базе, то мне об этом абсолютно ничего не известно».

Вопрос о подготовке эмигрантов стал щекотливым для тех газет, которые уже узнали кое-что об этом. Газеты города Майами, например, не могли не знать о том, что творилось у них под носом. Что же было им делать? Сообщить своим читателям правду или скрыть ее в угоду правительству?

Когда была опубликована статья в «Нью-Йорк таймс», редакторы газет, выходящих в Майами, решили, что нет смысла дальше вести игру с ЦРУ. Президент газетного треста и владелец газеты «Майами геральд» Джон Найт раньше по просьбе высокопоставленных лиц правительства США задерживал статьи об учебных лагерях в Гватемале и Флориде. На следующий день после появления в «Нью-Йорк таймс» сообщения о базе в Реталулеу «Майами геральд» опубликовала статью об учебном центре в Гватемале и еще одну статью о воздушных пере-

возках с аэродрома Опа-Локка. Рядом со статьей было дано следующее разъяснение: «Публикация статьи о воздушных перевозках из Майами в Гватемалу была задержана газетой более чем на два месяца. Опубликовать ее было решено лишь после того, как в других газетах впервые появились сообщения о помощи Соединенных Штатов борцам в Гватемале, выступающим против Кастро».

Теперь завеса была поднята, но, несмотря на статьи в «Нью-Йорк таймс» и «Майами геральд», факт подготовки Соединенными Штатами кубинских эмигрантов к возвращению на родину не проник в основной поток сообщений. Большинство американцев так и не знало, что готовится вторжение.

В январе Кеннеди вступил на пост президента. Начались приемы и банкеты в ознаменование перехода к политике «новых рубежей». На Кубе партизанское движение в горах Эскамбрай потерпело крах, и вместе с этим исчезли последние надежды на возможность скрытного проникновения на Кубу. Теперь ставка была на открытое вторжение крупными силами. Если в октябре намечалось высадить группу в четыреста человек, то теперь эта цифра возросла. Была усилена вербовка, и в Реталулеу стали направлять все больше людей и материалов.

По мере развития этих событий на президента Кеннеди стали оказывать давление, добиваясь его согласия на скорейшее вторжение. ЦРУ предупредило его, что дождливый сезон затруднит высадку и сделает невозможной учебу в лагерях в Гватемале, если вторжение будет отсрочено. ЦРУ принимало в расчет и моральный фактор: чем дальше, тем труднее было поддерживать боевой дух среди эмигрантов.

Вопрос об операции вторжения был раскрыт прессой, и президент Идигорас торопил с принятием окончательного решения.

Самым важным из всего этого было то, что ЦРУ пришло к выводу, что в период от шести месяцев до года, начиная с января 1961 года, обученные в России кубинские пилоты возвращались на Кубу и что одно это могло сделать вторжение невозможным.

Президент Кеннеди и его советники были опьянены победой и властью. Молодое, энергичное правительство страдало излишней самоуверенностью: никому в Белом доме не приходила в голову мысль о возможном провале операции. И глубоко в недрах тайной бюрократии операция эмигрантов как бы начала жить своей собственной жизнью.

В Вашингтоне не так просто отменить план, открытый или тайный, после того как он стал выполняться. Если бы президент Кеннеди отменил план вторжения, он рисковал бы подвергнуться критике за отказ от плана, утвержденного президентом Эйзенхауэром, плана, направленного на свержение Кастро и на избавление Западного полушария от коммунизма.

Президент полагался на энергичные заверения ЦРУ и менее энергичные заверения Комитета начальников штабов, что операция будет успешной. Он не был военным специалистом, и ему приходилось принимать на веру их слова.

К концу января ЦРУ выбрало местом вторжения городок Тринидад в провинции Лас-Вильяс, на южном побережье Кубы. Биссел и его советники выбрали Тринидад по тактическим соображениям. Высадка на южном побережье была обязательным требованием, так как исходным районом для вторжения должна была стать Центральная Америка. Северное побережье Кубы было слишком удаленным, это мешало эффективно использовать самолеты и корабли вторжения.

Но карты показывали, что вдоль южного побережья Кубы протянулся рифовый барьер, прерывавшийся лишь в устьях рек. Город Тринидад стоит в устье реки и имеет небольшой порт, который можно было использовать. Местность в районе Тринидада давала возможность хорошо прикрыть участок высадки. Кроме того, Тринидад расположен недалеко от гор Эскамбрай, и в случае неудачи высадившиеся эмигранты могли бы пробраться в горы и продолжать там борьбу.

Однако выбранное место вторжения имело и некоторые недостатки. Посадочная площадка около Тринидада была недостаточно большой для приема самолетов В-26. Кроме того, в Тринидаде был отряд милисиано Кастро, который мог сразу же оказать сопротивление. Но ЦРУ надеялось, что вскоре после высадки оно сможет привлечь на свою сторону около тысячи человек местного населения, которое насчитывало здесь примерно пять тысяч человек.

Во время президентства Эйзенхауэра никогда не планировалось использование в операции на Кубе вооруженных сил США. Кеннеди принял такое же решение, хотя операция и изменила свой размах.

Поскольку это позже явилось источником путаницы и споров, следует иметь в виду, что решение Кеннеди заключалось в том, что в ходе вторжения не будут использованы вооруженные силы США – сухопутные войска, военно-морские и военно-воздушные силы и морская пехота. Разумеется, его решение не относилось к действующим под руководством ЦРУ тайным силам, имеющим в своем составе американские бомбардировщики В-26, орудия, корабли. Такие силы могли и должны были быть использованы.

Так как операция была секретной, или, по крайней мере, считалась секретной, ею по-прежнему руководили Биссел и ЦРУ. С Комитетом начальников штабов в Пентагоне, высшим военным органом страны, консультировались в ходе разработки планов, однако он не нес ответственности за операцию.

Впервые Комитету начальников штабов было сообщено о готовящейся операции в январе 1961 года, хотя разведывательное управление ВМС еще раньше столкнулось с фактом, что ЦРУ готовит какую-то операцию. Однако разведывательное управление ВМС не знало точно, что замышляло ЦРУ.

Предложение ЦРУ о высадке в районе Тринидада было представлено на рассмотрение в Комитет начальников штабов. Изучив предложение, Комитет начальников штабов дал заключение, подписанное председателем Комитета генералом Лайменом Лемницером⁶. В этом заключении говорилось, что план высадки в районе города Тринидада будет иметь половину шансов на успех.

Среди кубинцев, отправленных в Гватемалу после принятия решения об увеличении численности сил вторжения, был рядовой Марио Абриль, который 15 апреля наблюдал за В-26, гудящими над головой, с палубы «Хьюстона».

Он и его семья бежали с Кубы в 1960 году. Девятнадцатилетний юноша, Марио отличался мягким взглядом карих глаз и спокойным характером, но он был полон решимости присоединиться к борьбе против Кастро. Его опыт был типичным: «Я встретил человека из ЦРУ по имени Роджер в отеле на Юго-Западной 8-й улице в Тамiami, Флорида. Я слышал, что многие из моих друзей с Кубы проходили обучение, и присоединился к ним. Роджер обучал нас взрывному делу и подпольной пропаганде. Иногда он делал это прямо в отеле, а иногда возил нас в Эверглейдс пострелять из ружей 45-го калибра. Ему было около сорока лет, и он отлично знал свое дело. В январе [1961 года] я узнал о тренировочных лагерях и пошел в вербовочный пункт для этих лагерей на углу 27-й и 10-й Юго-Западной улицы. Однажды, 13 марта, нас отвезли в старый дом в Коконат-Гроув, и там мы надели форму цвета хаки с синими бейсболками, нам также дали ботинки и спортивные сумки. Это было около 8:00 вечера. Затем нас посадили в грузовик, и мы отправились в Опа-Локку. Нас было около сотни, и мы прождали там некоторое время, пока к нам не присоединились двое американцев. Они были одеты так же, как и все мы, в униформу цвета хаки и синие бейсболки. Итак, нас загрузили в DC-4. В нем сиденья только вдоль борта, и мы набились по бокам, а те, кому мест не хватило, усьелись

⁶ Лемницер был председателем Комитета начальников штабов; адмирал Арли Бэрк – начальником Главного штаба ВМС; генерал Томас Уайт – начальником штаба ВВС; генерал Джорж Деккер – начальником штаба сухопутных войск; генерал Дэвид Шуп – командующим корпусом морской пехоты. Позже некоторые документы Комитета начальников штабов в отсутствие Лемницера подписывались Бэрком.

прямо на пол самолета. На рассвете 14 марта мы прибыли в Реталулеу. Там у нас был отличный завтрак, буквально все, что мы хотели. После вкусной еды внешний вид этого места, знаете ли, показался мне очень привлекательным.

Около полудня мы добрались до лагеря и получили сухой паек, посуду и куртки. Я подумал, что, раз мы провели в дороге всю ночь, вероятно, сегодня отдохнем. Но нет, в тот же день мы начали стрелять из винтовок М-1, и нас заставили подняться в горы на две-три тысячи метров для тренировки. Вокруг нас были тучи. В конце концов объявили отбой, и мы проспали долго.

Мы были на базе Тракс. Примерно через пять дней нам предложили на выбор батальоны, к которым мы могли присоединиться, и я выбрал 2-й батальон, потому что у меня там были пара друзей в роте Е. В батальоне было около 175 человек, а в роте – 40. В каждом батальоне были инструкторы-американцы. Одного инструктора 2-го батальона звали Боб, другого Джим, а единственного, кто говорил по-испански, Хуан. Командовал подразделениям полковник Фрэнк. Он был сильным, очень сильным, как бык. Он носил ту же форму, что и мы. Но у него на бедре висел револьвер 38-го калибра, как и у всех американских инструкторов. У них у всех были револьверы. Мы ходили в походы и учились стрелять из пулеметов, минометов, автоматических винтовок и ручных гранатометов. Когда шел дождь, там нельзя было ходить пешком, дороги, покрытые водой, превращались в непроходимую грязь. А дождь в тех краях шел каждый день после полудня, и это был сущий кошмар, скажу я вам. Каждый день американские инструкторы говорили нам, что у нас будет прикрытие с воздуха и что никакие танки не будут воевать против нас. Когда мы тренировались с ручными гранатометами, я спросил нашего инструктора Боба: „Для чего это? Если мы не собираемся воевать против танков, зачем гранатометы?“ – „На всякий случай“, – сказал он и заверил, что бомбардировщики В-26 обеспечат нам прикрытие с воздуха».

Почти все до единого члены бригады говорят, что их инструкторы из ЦРУ обещали «контроль в воздухе» или «прикрытие с воздуха». Правда, мало кто из кубинцев утверждает, что было какое-либо официальное подтверждение, что самолеты ВВС или ВМС США обеспечат этот контроль или защиту. Скорее, к такому выводу пришли многие из участников сил вторжения. Возможно, кто-то из инструкторов ЦРУ хотел, чтобы у эмигрантов сложилось именно такое впечатление.

Согласно плану, конечно, именно военно-воздушные силы эмигрантов, в частности бомбардировщики В-26, должны были обеспечить «контроль в воздухе» путем уничтожения военно-воздушных сил Кастро на земле, что сделало бы ненужным воздушное прикрытие плацдарма во время десантных операций.

Для достижения этой ключевой цели ЦРУ создало значительные военно-воздушные силы. Первоначально в его распоряжении было шестнадцать В-26. Во время вторжения было добавлено еще восемь, в общей сложности двадцать четыре. Кроме того, имелись еще шесть С-46 и шесть С-54. Эти транспортные самолеты использовались над Кубой при доставке по воздуху оружия и продовольствия до вторжения и для десантирования во время вторжения.

Главой «освободительных кубинских сил», организованных ЦРУ, назначили Мануэля Мартинеса, бывшего пилота кубинских ВВС, который провел три года в тюрьме по обвинению в заговоре против Батисты. Его заместителем стал Луис Косме, бывший летчик-истребитель ВВС Кубы. Он 15 апреля руководил ударом В-26.

В Реталулеу был шестьдесят один кубинский пилот, а также штурманы, радисты и обслуживающий персонал. Шесть американских инструкторов оставались с этими пилотами на протяжении нескольких месяцев обучения и в ходе вторжения. Другие сменялись.

Билли Карпентер, полковник ВВС, который сначала был главным американским инструктором, был заменен Лу, который, в свою очередь, был заменен Гаром, главным инструктором ЦРУ по воздушным операциям непосредственно во время вторжения. Среди

других американских инструкторов были Билли Белт, молодой блондин Стивенс, который говорил кубинцам, что у него вставные зубы, потому что китайские коммунисты вырвали ему настоящие во время Корейской войны; и Сейг Симпсон, высокий мужчина с румяным лицом, у которого была жена-японка.

Ни один из инструкторов ЦРУ не использовал свою настоящую фамилию, хотя некоторые использовали правильные имена. Генерал Г. Рид Достер, начальник штаба Национальной гвардии Алабамы в Бирмингеме, использовал имя Рид, когда был в Реталулеу. Многие инструкторы ЦРУ были родом из Бирмингема. Несколько американцев были завербованы ЦРУ через подставное лицо в Майами из числа пилотов, которые летали на В-26 во время Второй мировой войны.

Экипаж В-26 в ходе вторжения состоял из двух человек, не было бортовых стрелков и пулеметов. Их убрали, чтобы освободить место для дополнительного топлива с целью увеличить дальность полета бомбардировщиков. Каждый бомбардировщик имел бомбовую нагрузку 1800 килограммов. Хотя нормативная масса снаряженного самолета В-26 составляет 1700 килограммов, эти бомбардировщики поднимались со взлетно-посадочных полос при массе 18 000 килограммов. Это были грозные военные машины, но реактивные самолеты Кастро могли летать выше и быстрее. А без хвостовых пулеметов бомбардировщики были беззащитны с тыла.

К этому времени учебные центры стали для Гватемалы щекотливой политической проблемой. В начале февраля Идигорас написал президенту Кеннеди письмо, в котором указывалось, что боевой дух в учебных центрах высок и что войска готовы к действиям. Он настаивал, чтобы вторжение началось немедленно. За этим ходом скрывалась озабоченность правительства Гватемалы, вызванная беспокойной обстановкой в учебных центрах. Правительство Гватемалы считало, что чем скорее начнется вторжение, тем скорее можно будет закрыть учебные центры и тем самым ликвидировать всю эту неприятную проблему.

С письмом Идигораса в Вашингтон вылетел Роберто Адехи. Он посетил президента Кеннеди в Белом доме и встретился также с Алленом Даллесом. Когда в конце февраля – начале марта обстановка стала накаляться, у ЦРУ и Комитета начальников штабов появились закулисные разногласия по поводу выбора места вторжения. Примерно через две недели после того, как Комитет начальников штабов пришел к выводу, что высадка в Тринидаде может иметь половину шансов на успех, ЦРУ предложило три других места высадки, решив отказаться от Тринидада – отчасти потому, что посадочная площадка там была слишком мала для приема самолетов В-26.

Начальники штабов изучили все три варианта и выразили мнение, что лучшим из трех предложенных мест высадки является залив Кочинос, но что шансов на успех здесь будет меньше, чем в Тринидаде, расположенном восточнее. Тем не менее они считали, что вторжение надо проводить при всех обстоятельствах.

Комитет начальников штабов избрал залив Кочинос главным образом потому, что в этом районе к побережью вели лишь две дороги. Эти дороги проходили по болотистой местности. Войска Кастро вынуждены будут двигаться по этим дорогам, где подвергнутся ударам авиации сил вторжения. Комитет начальников штабов предупредил, что по этой же причине силам вторжения будет труднее вырваться с плацдарма в районе залива Кочинос, чем в районе Тринидада. Однако военные эксперты ЦРУ считали, что залив Кочинос как место для высадки несколько не хуже, чем Тринидад, и даже лучше.

В то время как в Вашингтоне развивались эти события, в Гватемале у ЦРУ были неприятности с группой кубинцев, выступавших против Артиме и капитана Хосе Переса Сан Романа, которых ЦРУ назначило начальниками. ЦРУ жестко поступило с раскольниками.

На самолете их доставили на удаленную посадочную площадку в районе Сайаксче в провинции Петен, откуда тайком на лодках переправили, мягко выражаясь, в «лагерь перевоспи-

тания» ЦРУ. На самом деле это была тюрьма ЦРУ. Недовольных кубинцев освободили только после окончания событий в заливе Кочинос.

ЦРУ с самого начала взяло в свои руки политическое и оперативное руководство эмигрантским движением, стремясь оказывать предпочтение его более консервативным элементам. Теперь на сцене появилась соперничающая группа.

В мае 1960 года министр общественных работ в правительстве Кастро Маноло Рай порвал с новым режимом и ушел в подполье. В ноябре он бежал в Соединенные Штаты. Рай и его последователи принадлежали к «народному революционному движению», которое было сильным конкурентом слева для созданного ЦРУ «революционного фронта».

Так как день, назначенный для вторжения, быстро приближался, необходимо было что-то делать для предотвращения политического раскола в рядах эмигрантов. Подстегиваемые ЦРУ «революционный фронт» и «народное революционное движение» сливались в новую организацию – «кубинский революционный совет».

Руководителем совета был избран доктор Хосе Миро Кардона, бывший гаванский адвокат, личность бесцветная, но умеющая держаться с достоинством. В первые полтора месяца режима Кастро он занимал пост премьер-министра. Потом подал в отставку, но в июле 1960 года Кастро назначил его послом в Соединенные Штаты. Кардона не принял это назначение и получил политическое убежище в посольстве Аргентины. Через три месяца он с охранным свидетельством прибыл в Соединенные Штаты.

Об образовании «кубинского революционного совета» было объявлено в Нью-Йорке 22 марта на пресс-конференции, организованной Лемом Джонсом. 3 апреля Государственный департамент опубликовал Белую книгу о Кубе. Этот документ должен был подготовить общественное мнение в Соединенных Штатах и за рубежом к тайно подготавливаемому вторжению, до которого оставалось всего две недели.

За кулисами в Вашингтоне несколько человек выступили против вторжения. Сенатор от штата Арканзас Дж. Уильям Фулбрайт, любящий откровенность представитель Демократической партии, председатель сенатской комиссии по иностранным делам, 30 марта был приглашен президентом в Палм-Бич. На борту реактивного самолета президента Фулбрайт, до которого дошли слухи о планах вторжения, вручил Кеннеди меморандум.

Стоит привести несколько цитат из этого документа, поскольку в нем Фулбрайт проявил почти сверхъестественный дар ясновидения:

«Миллионы людей по-прежнему считают, что Соединенные Штаты инспирировали вторжение Кастильо-Армаса в Гватемалу в 1954 году; однако участие США в этом деле было гораздо лучше скрыто, чем сегодня в деле с кубинскими эмигрантами.

Более того, по мере усиления деятельности кубинских эмигрантов, направленной на свержение Кастро, все труднее будет скрыть участие США в этом деле...

Необходимо также подумать о характере и составе правительства, которое придет к власти после Кастро. „Фронт“ не имеет руководителей того типа, который необходим для создания сильного, энергичного либерального правительства.

Следует также иметь в виду, что вторжение эмигрантов на Кубу встретит мощное сопротивление, которое сами эмигранты, возможно, не смогут преодолеть. Тогда встанет вопрос: позволят ли Соединенные Штаты провалиться этому делу (в тщетном стремлении скрыть свою роль) или же они начнут усиливать помощь, чтобы обеспечить успех? А это, в конечном счете, будет связано с открытым использованием вооруженных сил США, и, если мы решимся на это, даже под бумажным прикрытием законности, мы сведем на нет тридцатилетний труд по искуплению ошибок, связанных с прежним нашим вмешательством. Нам придется также взять на себя ответственность за поддержание общественного порядка на Кубе, а при данных обстоятельствах это, несомненно, будет постоянным источником хлопот».

Фулбрайт также высказал мысль, что даже тайное содействие свержению Кастро является, по-видимому, нарушением договора Организации американских государств, а также законов о нейтралитете Соединенных Штатов.

4 апреля президент встретился в Государственном департаменте со своими высшими советниками. Он интересовался мнением каждого из них о плане вторжения. Из всех участников совещания один только Фулбрайт решительно высказался против этой операции.

С самого начала ЦРУ установило связь с Государственным департаментом, чтобы информировать о ходе разработки плана тесный круг лиц, посвященных в него. В конце 1960 года, когда государственным секретарем был еще Кристиан Гертер, он назначил бывшего посла в Гондурасе Уайтинга Уиллауэра своим специальным помощником по вопросам кубинской операции.

Для поддержания связи с Уиллауэром ЦРУ выделило Трэси Барнса, до этого находившегося на секретной работе в посольстве в Лондоне. После прихода к власти Кеннеди Уиллауэр вышел из игры, но Барнс продолжал поддерживать связь с Государственным департаментом. Он имел беседы главным образом с советником президента по латиноамериканским вопросам Адольфом Берлем и помощником государственного секретаря по межамериканским делам Томасом Манном.

Они, помимо Дина Раска, были в числе немногих чиновников Государственного департамента, знавших о готовящемся вторжении.

В конце марта заместитель государственного секретаря Честер Боулз, исполнявший в то время обязанности государственного секретаря, узнал о плане вторжения.

31 марта он написал памятную записку Раску, в которой выступал против этого плана. Он также просил Раска гарантировать ему получасовую аудиенцию у президента Кеннеди для представления своих возражений в том случае, если план будет одобрен. Боулз ушел после беседы с Раском с надеждой, что крупного вторжения не будет. В остававшиеся до начала вторжения две с половиной недели Боулз уделял этому вопросу мало внимания; у него сложилось впечатление, что произойдет всего лишь высадка небольшого партизанского отряда.

В начале апреля кубинским летчикам в Реталулеу вручили запечатанные конверты и приказали вскрыть их только после того, как они поднимутся в воздух. Вскрыв конверты, они узнали, что им приказано лететь в Хэппи-Вэлли близ Пуэрто-Кабесас в Никарагуа, где им предстояло пробыть в течение нескольких недель. Все участники воздушной части операции, включая американских советников, были переброшены из Гватемалы в Хэппи-Вэлли. Бригада эмигрантов была переброшена по воздуху в Пуэрто-Кабесас. Там уже были сосредоточены суда ЦРУ. Этот флот имел довольно значительные размеры и был сколочен ЦРУ в основном под прикрытием компании «Гарсия лайн корпорейшн», с главной конторой в Нью-Йорке, на Бэттери-Плейс, 17.

Эта пароходная компания была в свое время крупнейшей на Кубе. В докастровское время она поддерживала сообщение между портами Восточного побережья США, Гаваной и Центральной Америкой, перевозя рис и сахар.

После прихода Кастро к власти пять сыновей Альфредо Гарсии – Эдуарде, Маркос, Альфредо-младший, Лисардо и Франсиско – переехали в Соединенные Штаты. ЦРУ нуждалось в судах, и компания «Гарсия лайн» была прекрасным прикрытием, поскольку ею владели кубинцы и поскольку это была единственная кубинская судоходная компания, до сих пор совершавшая рейсы из Гаваны. А семья Гарсия хотела оказать помощь ЦРУ, несмотря на риск.

ЦРУ тайно зафрахтовало эти суда. Работая в основном с Эдуардо, управление затем запланировало привести суда в Пуэрто-Кабесас в самый последний момент. Компания про-

должала обслуживать Кубу до самого вторжения. Альфредо оставался на Кубе, чтобы отвлечь подозрения, и покинул Кубу только 21 марта⁷.

По мере приближения дня «Д» суда «Хьюстон», «Лейк-Чарльз», «Рио-Эскондидо», «Карибе» и «Атлантике» один за другим взяли курс на Пуэрто-Кабесас. Их командам сначала ничего не говорили, и они считали, что совершают обычный рейс в Центральную Америку.

В Пуэрто-Кабесас им сообщили о предстоящем вторжении и предоставили право покинуть суда. Несколько человек покинули суда, и ЦРУ продержало их в Пуэрто-Кабесас до тех пор, пока со вторжением не было покончено.

На каждом из судов команда насчитывала около двадцати пяти человек; таким образом, более сотни моряков неожиданно для себя отказались в огне настоящей войны. Суда имели водоизмещение 2400 тонн, за исключением несколько меньшего по размерам «Рио-Эскондидо». ЦРУ закупило также два оставшихся от Второй мировой войны пехотно-десантных корабли и включило их в состав флота вторжения.

Компания «Гарсия лайн» предоставляла не только транспортные средства, но и прикрытие для обслуживающего их персонала; некоторым из эмигрантов, завербованных ЦРУ, были вручены анкеты, заполнив которые они считали, что заключили с компанией «Гарсия лайн» контракт на работу в качестве матросов.

В то время как ЦРУ собирало свой тайный флот, в Соединенных Штатах были предприняты важные политические шаги. 8 апреля на пресс-конференции в гостинице «Рузвельт» в Нью-Йорке Миро Кардона призвал кубинцев восстать и свергнуть Фиделя Кастро. В тот же день агенты федеральной иммиграционной службы в Майами арестовали известного приспешника Батисты Роландо Масферрера, который бежал с Кубы в один день с Батистой. Он был тайно перевезен в госпиталь «Джексон мемориал» и заключен под стражу.

В госпитале Масферрер числился как больной с коронарным синдромом, но лечащий врач сказал журналистам: «Похоже, информация искажена. Указанное заболевание у пациента выявлено не было».

Масферрера, как было объявлено, арестовали после письма Дина Раска министру юстиции Роберту Кеннеди, в котором, в частности, говорилось: «Длительное пребывание Роландо Масферрера на свободе в Соединенных Штатах, и в особенности во Флориде, вредит нашим национальным интересам с точки зрения наших международных отношений». Через два дня федеральные власти обвинили Масферрера в заговоре с целью организовать военную экспедицию против Кубы, что является нарушением законов о нейтралитете Соединенных Штатов⁸.

Масферрера цинично обвинили в нарушении закона за десять дней до того, как правительство США начало свое тайно подготовленное вторжение.

Через десять дней после катастрофы в заливе Кочинос федеральный судья Эметт Чоут приказал освободить Масферрера и порицал федеральное правительство за то, что оно направило его в правительственный концентрационный лагерь в Техасе. Помощник министра юстиции Поль Гиффорд заявил, что иммиграционная служба действовала по прямому указанию президента Кеннеди. «Президент, – сказал судья Чоут, – не имеет права заставить кого-либо действовать вопреки закону.» Через семь месяцев, 9 ноября 1961 года, правительство втихомолку закрыло дело Масферрера без всяких объяснений.

⁷ На следующий день после вторжения Кастро захватил компанию, но, разумеется, Альфредо уже бежал. Позже, разочарованный провалом вторжения, он продал суда, которые не были потоплены, и ликвидировал компанию.

⁸ Однако после событий в заливе Кочинос министр юстиции Роберт Кеннеди не согласился с заявлением 132 юристов, в котором утверждалось, что организованное ЦРУ вторжение в заливе Кочинос является нарушением законов США и международного права. «Законы о нейтралитете, – заявил министр юстиции, – являются одним из самых старых законов в наших кодексах... Ясно, что они не были рассчитаны на ситуацию, которая существует в мире сегодня. Ни одно из действий кубинских патриотов, на которые было обращено наше внимание, не представляется нарушением наших законов о нейтралитете».

Одной из возможных причин ареста Масферрера является то, что правительство считало, что обвинение его в организации вторжения на Кубу отвлечет внимание от подготовки вторжения самим правительством, находившейся тогда на завершающей стадии. Это был случай явного политического ареста.

Кроме того, президент считал, что арест Масферрера покажет эмигрантам и всему миру, что Соединенные Штаты не питают никаких симпатий к сторонникам Батисты. Это стало очевидным 12 апреля, когда президент заявил на пресс-конференции: «Недавнее обвинение министерством юстиции проживающего во Флориде г-на Масферрера в том, что он замышляет вторжение на Кубу из Флориды с целью установить режим батистовского типа, свидетельствует о том, какие чувства питают в нашей стране к тем, кто стремится восстановить такое правительство на Кубе».

10 апреля на совещании в Белом доме было окончательно решено перенести место высадки из Тринидада в залив Кочинос. Президент Кеннеди одобрил это решение. ЦРУ полагало, что этот шаг президента вызван политическими соображениями, и в частности озабоченностью по поводу возможной реакции на готовящиеся события мирового общественного мнения. В районе залива Кочинос гражданское население не могло пострадать от огня, так как там почти никто не жил, в то время как Тринидад представлял собой населенный пункт довольно значительных размеров.

Предполагалось также, что высадка в заливе Кочинос, по существу, не встретит никакого сопротивления и будет принята за попытку доставить снабжение партизанам, то есть будет казаться небольшой по размаху и не так тщательно подготовленной операцией. Короче говоря, она будет иметь более надежное прикрытие.

Хотя комитет начальников штабов предсказывал, что вторжение в районе залива Кочинос имеет больше шансов на поражение, чем на успех, он согласился с выбором этого места высадки.

В Комитете начальников штабов обычно делают различие между первоначальными шансами на успех и конечными. В данном случае Комитет подчеркивал, что после создания плацдарма успех операции будет зависеть от того, что предпримет в ответ на нее население Кубы, то есть от определенных психологических факторов, оценка которых не входит в обязанности военных. Комитет начальников штабов имел в виду, что вопрос о том, восстанут милисиано и народ на Кубе против вторжения или нет, является вопросом разведки и входит в компетенцию ЦРУ.

ЦРУ предсказывало, что такое восстание произойдет при условии, если удастся захватить и удержать плацдарм. Оно не рассчитывало на немедленное восстание на Кубе. Скорее, утверждало оно, все будет зависеть от успеха операции. Биссел считал, что если высадка будет успешной, то можно будет ожидать дезертирства из кубинской армии, пусть даже не раньше чем через неделю после вторжения.

План предусматривал захват плацдарма с последующим использованием посадочной площадки у залива Кочинос для нанесения удара по коммуникациям Кастро и другим важным объектам. На плацдарме члены «кубинского революционного совета» объявят о создании нового правительства Кубы, которое затем будет признано Соединенными Штатами. Если все это будет сделано, рассчитывало ЦРУ, дверь на Кубу будет широко раскрыта⁹.

Последняя неделя перед днем «Д» была для Комитета начальников штабов не особенно веселой. Некоторых из них раздражали постоянные изменения в плане вторжения. Их, при-

⁹ После того как вторжение провалилось, ЦРУ обвинили в безосновательных расчетах на восстание населения на Кубе. Аллен Даллес ответил на эти обвинения следующим заявлением в своей книге «Искусство разведки»: «Мне ничего не известно о расчетах на то, что восстание безоружного населения Кубы могло вспыхнуть самопроизвольно в результате высадки десанта». Совершенно очевидно, что Даллес очень тщательно подбирал слова. Его заявление просто содержало отрицание того факта, что ЦРУ предсказывало «самопроизвольное» восстание в момент высадки.

выкших к строгой дисциплине под руководством такого человека, как Эйзенхауэр, удивляли действия нового правительства, которые они рассматривали как нарушение принятой процедуры.

Хотя адмирал Арли Бэрк уклонялся от высказываний по поводу операции в заливе Кочинос, он был обеспокоен тем, что план постоянно изменялся. В одном случае Бэрку сказали, что флот США должен оставаться за пределами трехмильной зоны территориальных вод Кубы. Затем этот предел увеличили до двенадцати миль, а позже – до двадцати. Сначала ему указали, что флот США вообще не должен иметь никакого контакта с кораблями вторжения; затем ему сообщили, что суда вторжения могут эскортироваться тремя эскадренными миноносцами, но позже их число было уменьшено до двух. В одном случае главному морскому штабу указали, что в районе операции можно иметь подводные лодки, а затем последовал приказ: «Ни одной подводной лодки».

Членам Комитета начальников штабов объявили, что вторжение проводится не Пентагоном и что поэтому они могут давать консультации только в случае запроса. В связи с секретностью операции им не разрешили пользоваться услугами своих экспертов, а это, разумеется, отразилось на точности их предсказаний.

Пентагону было совершенно четко указано, что никакие подразделения вооруженных сил США не должны принимать участие в самом вторжении; однако эскадренные миноносцы адмирала Бэрка могли эскортировать суда флота вторжения до определенного пункта у побережья Кубы. В том случае, если эти корабли будут обнаружены на пути из Пуэрто-Кабесас к Кубе, они должны будут развернуться и идти обратно в этот порт. В этом случае корабли и самолеты ВМС США имели право прикрывать флот вторжения от возможных атак, поскольку он возвращался в Никарагуа.

В апреле Бэрк в качестве председателя Комитета начальников штабов и начальника штаба ВМС приказал кораблям Атлантического флота США развернуться у берегов Кубы. Вместе с кораблями флота сюда был переброшен батальон морской пехоты с базы Вьекес-Айленд у восточной оконечности острова Пуэрто-Рико.

Президент указал, что военно-морские силы не должны принимать участия в самом вторжении. Однако можно было полагать, что, в случае если при вторжении встретятся затруднения, президент изменит свое мнение и прикажет флоту и морской пехоте оказать помощь силам вторжения. Поэтому Бэрк развернул свои корабли у берегов Кубы; об этом он сообщил Аллену Даллесу и президенту.

Теперь президент публично объявил о решении, к которому он лично пришел: на пресс-конференции 12 апреля он заявил, что вооруженные силы США не будут вторгаться на Кубу. На вопрос, как далеко могут зайти Соединенные Штаты в оказании помощи «антикастровскому восстанию или вторжению на Кубу», он ответил: «Прежде всего я хочу сказать, что вооруженные силы США не могут вторгнуться на Кубу ни при каких условиях. Нынешнее правительство сделает все, что в его силах – а я считаю, что оно может справиться со своими обязанностями, – чтобы ни один американец не был замешан в каких-либо действиях на Кубе».

На следующий день кубинцы – члены летных экипажей восьми самолетов В-26, которые должны были совершить налет 15 апреля, были вызваны в отдел безопасности в Хэппи-Вэлли. Летчиков проинструктировали, что в случае вынужденной посадки за пределами Кубы они должны были назвать себя дезертирами из кубинских ВВС. Это было необходимо, чтобы их сообщения совпадали с легендой Суниги, рассказанной в Майами. Их предупредили, что они не должны совершать посадку в американской военно-морской базе в Гуантанаме.

Теперь, за шесть часов до наступления дня «Д», суда ЦРУ уже шли из Пуэрто-Кабесас. 2-й и 5-й батальоны находились на борту «Хьюстона», который вез большие запасы боеприпасов. Их целью была Плайя-Ларга у основания залива Кочинос. 3-й и 4-й батальоны, оба вооруженные тяжелым оружием, а также 6-й пехотный батальон были на борту «Рио-Эскондидо»

и других судов. Их целью был Плайя-Хирон на восточном побережье залива, который узкой полосой вдаётся в южный берег Кубы. 1-й батальон – парашютисты – должен был быть выброшен с воздуха в глубине побережья за участками высадки.

В субботу 15 апреля, когда флот вторжения направлялся к Кубе, бомбардировщики В-26 нанесли удар.

Сунига приземлился в Майами, а в Организации Объединённых Наций между Роа и Стивенсоном произошла стычка. В воскресенье 16 апреля в Хэппи-Вэлли ЦРУ созвало летчиков-кубинцев. Американские советники рассказали кубинцам, что самолёты Кастро были уничтожены во время проведенного накануне налета. В качестве доказательства они показали увеличенный фотоснимок, сделанный с самолёта U-2.

В действительности же один из снимков, сделанных самолётом U-2 за несколько часов до высадки, обеспокоил ЦРУ. На нем были видны кучи гравия на посадочной площадке у залива Кочинос.

В это же воскресенье на борту «Хьюстона» солдаты 5-й роты слушали приказы своих командиров. Вот как говорил об этом рядовой Марио Абриль: «В шесть часов вечера с нами говорил командир. Он приказал нам не курить и ничего не зажигать, потому что мы приближались к берегам Кубы. Раз нам нельзя было курить, я подумал, что самое лучшее будет отдохнуть. Я знал, что нам предстоят трудные дела, поэтому улегся на палубе. Мой командир отделения разбудил меня, я поднялся и увидел берег. Значит, мы действительно прибыли туда. Справа я увидел мелькающие огни, и мне сказали, что там другие наши парни, они на Плайя-Хирон и уже сражаются. Я посмотрел на часы – было около 1 часа 30 минут ночи. Корабль замедлил ход. Мы прибыли. Мы были в заливе Кочинос».

Глава 3. Вторжение

В полночь, в воскресенье 16 апреля, в фешенебельной квартире Лема Джонса зазвонил телефон. Джонс, сонный, поднял трубку, но тут же сон с него как рукой сняло. Звонили из ЦРУ, из Вашингтона. «Свершилось», – сказал Джонсу сотрудник ЦРУ, поддерживавший с ним связь. Вторжение началось. Сотрудник ЦРУ продиктовал первое коммюнике, которое Джонс должен был опубликовать от имени «кубинского революционного совета». Джонс записал его в блокнот.

«На рассвете, – медленно диктовал сотрудник ЦРУ, – кубинские патриоты в городах и горах начали борьбу за освобождение нашей родины от деспотического правления Фиделя Кастро и жестокого гнета международного коммунизма...»

Предыдущий день прошел для Джонса спокойно, и никто не предупредил его заранее, что в полночь начнется вторжение. Ему было известно, что совет собирался днем в гостинице «Лексингтон». (Он назначил одного из своих членов – Карлоса Эвиа – на пост министра иностранных дел в новом правительстве, которое должно было быть создано на Кубе.) Днем Джонс позвонил в гостиницу и попытался связаться с Миром Кардоной. Он удивился, когда ему сказали, что телефон не отвечает, но не придавал этому особого значения.

Джонс не мог связаться со своими клиентами по вполне определенным причинам. Примерно в 3 часа 30 минут дня агенты ЦРУ, воспользовавшись запасным выходом, тайно увезли из гостиницы Кардону, Эвиа и других членов совета. Кубинцам сообщили, что их везут в Майами по важному делу. Агенты ЦРУ вывезли их в Филадельфию, где посадили в самолет и доставили в Опа-Локка. Там этих людей, которые должны были возглавить Кубу, в течение трех дней держали, в сущности, на положении узников в полупустом доме барачного типа. Там они и узнали из сообщений по радио о начале вторжения.

Но Джонс ничего не знал об этом. По телефону из Вашингтона ему дали задание доставить коммюнике через весь город в гостиницу «Статлер» и показать его секретарю-казначее совета Антонио Силио и правой руке Кардоны – Эрнесто Арагону. Силио снимал номер в гостинице под вымышленным именем.

Джонс сам отпечатал коммюнике на машинке. Он поймал такси неподалеку от своей квартиры и отвез коммюнике в гостиницу «Статлер», где показал его обоим кубинцам. Затем, в 2 часа ночи, он стал развозить его на такси по телеграфным агентствам. Оно начиналось так:

«Кубинский революционный совет. Мэдисон-авеню, 280, Нью-Йорк, штат Нью-Йорк.

Для немедленного опубликования. 17 апреля 1961 года. Бюллетень № 1.

Президент кубинского революционного совета доктор Мир Кардона сделал сегодня следующее заявление: „На рассвете кубинские патриоты в городах и горах начали борьбу за освобождение нашей родины...“»

В Пуэрто-Кабесас в Никарагуа в 1 час 15 минут ночи 17 апреля шесть бомбардировщиков В-26 выстроились у взлетной полосы, готовые к нанесению второго удара по авиационным базам Кастро. Их целями были Камагуэй, Сан-Антонио-де-лос-Баньос, Кампо-Либертад, Санта-Клара, а также Манагуа – армейская база, на которой, как показали аэроснимки с У-2, открыто стояло более сорока тяжелых танков.

Самолеты должны были вылететь из Хэппи-Вэлли в 1 час 40 минут ночи, нанести удар перед рассветом и закончить тем самым уничтожение авиации Кастро. Летчики, сидевшие в самолетах В-26, еще не знали о сообщении Ричарда Биссела из Вашингтона, которое по приказу президента отменяло воздушный удар. Но когда наступил 1 час 40 минут, а разрешения на взлет не последовало, они поняли, что что-то неладно.

В 1 час 55 минут летчикам-кубинцам сообщили, что по приказу из Вашингтона их задание отменяется. Вместо удара по авиационным базам им было приказано лететь к участкам высадки и обеспечить их прикрытием с воздуха.

Марио Абриль, находившийся на борту «Хьюстона», заметил, что их судно почти прекратило движение. «Начали спускать на лебедках шлюпки на воду, но поднялся такой шум, что с берега открыли стрельбу; стреляло несколько пулеметов. Мы видели следы трассирующих пуль. Мое отделение должно было высаживаться одним из первых в 5-й роте. Мы сели в шлюпку и направились к берегу. Шлюпка была деревянная, с подвесным мотором, какую обычно используют для буксировки катающихся на водяных лыжах. Мотор заглох посреди залива Кочинос, когда до берега оставалось еще около двух миль; пришлось заводить его снова, а в нас стреляли. Нам было приказано не открывать ответного огня, чтобы не обнаруживать свое местонахождение. Так мы подошли к берегу, но наткнулись там на скалы¹⁰ и высадились в другом месте. Встретили другие отделения, высадившиеся неподалеку. Мы собрались и стали думать, что делать дальше. С обеих сторон были болота... Мы стали двигаться по дороге...»

А за сотни миль отсюда, на крошечном островке Суон у берегов Гондураса, радиостанция ЦРУ еще за несколько часов до этого начала передавать для кубинского подполья загадочные сообщения: «Внимание, внимание, следите внимательно за радугой. Рыба поднимется очень скоро. небо голубое. рыба красная. Следите внимательно за радугой».

Теперь радиостанция на острове Суон передала текст бюллетеня № 1, а в Хэппи-Вэлли разочарованные летчики самолетов В-26 выбрались из кабин. В деревянном здании штаба вновь шел инструктаж. Нужно было тут же разработать новые планы, поскольку характер задания изменился.

Для того чтобы долететь от Хэппи-Вэлли до залива Кочинос, самолету В-26 требовалось 2 часа 50 минут.

У бомбардировщиков был достаточный запас горючего, чтобы оставаться в случае необходимости в течение двух часов над районом вторжения и вернуться на базу. Было решено, что бомбардировщики будут патрулировать над участками высадки парами, сменяясь каждые полчаса. Всего направлялось одиннадцать самолетов В-26. Первая пара вылетела до рассвета.

Когда эмигрантская бригада 2056 высаживалась на берег, Кастро сообщили о вторжении. Он приказал самолетам Т-33 и «Си Фьюри» до рассвета вылететь в район залива Кочинос.

В 4 часа утра, как раз в то время, когда генерал Кейбелл излагал в Вашингтоне свои просьбы государственному секретарю Раску, 5-я рота, в которой служил Марио Абриль, вступила в бой с противником.

«В 4 часа утра мы встретились с ротой милисиано Кастро. Они наступали, выкрикивая ругательства и стреляя. Нам пришлось залечь и ждать. Мы начали перекликаться с ними через болото. Мы им кричали: „Сдавайтесь!“ Они отвечали, что будут бить нас. Когда они начали кричать: „Родина или смерть!“, мы открыли огонь».

В 5 часов 15 минут утра передатчик ЦРУ на острове Суон вновь начал посылать в эфир антикастровские призывы: «Силы, поддерживающие революционный совет, осуществили всеобщее восстание на острове Куба... Те, кто был на стороне Кастро, похоже, охвачены паникой. Армия освобождения находится на острове Куба, чтобы сражаться вместе с вами против коммунистической тирании Кастро. Атакуйте фиделистов, где бы они ни находились. Слушайте инструкции по радио, выполняйте их и сообщайте о своих действиях. Кубинцы, вступайте в борьбу за победу!»

Серхио Гарсия вылетел из Хэппи-Вэлли в 1:16 ночи за штурвалом транспортного самолета С-46 с десантниками на борту. Их целью был стратегически важный район в Сан-Блас,

¹⁰ Эксперты-гидрографы ЦРУ считали, что в заливе Кочинос были отличные участки высадки. Однако суда с десантом неожиданно встретили риф, что замедлило ход десантной операции.

расположенный в глубине страны за Плайя-Хирон. Его вторым пилотом был Фаусто Гомес. В 6:14 утра Гарсия начал десантирование людей и сбрасывание вооружения в Сан-Блас. Когда весь груз и все парашютисты, кроме последнего, были сброшены, оборвался трос, проходящий по всей длине самолета. В результате заклинило рулевое управление самолета, офицер, руководивший десантированием, получил перелом ноги, а молодой парашютист остался беспомощно свисать с самолета на конце троса. Гомесу и еще одному мужчине удалось затащить парашютиста внутрь. Он оказался совсем юным. Несколько минут спустя он, плача, пришел в кабину пилотов и стал умолять Гарсию: «Пожалуйста, поверните назад и дайте мне спрыгнуть!» – «Я не могу!» – прокричал Гарсия, перекрывая шум двигателей. – Ваш основной парашют поврежден. Использовать только запасной парашют противоречит приказу».

Час спустя, когда они возвратились в Хэппи-Вэлли, Гомес разрезал ботинок юноши и увидел, что его нога была сильно порезана, когда оборвался трос. У него обильно текла кровь.

В Нью-Йорке из ЦРУ по телефону продиктовали Джонсу текст бюллетеня № 2¹¹:

«Кубинский революционный совет сообщает об успешной высадке... Так как члены совета сейчас заняты драматическими событиями, развертывающимися на Кубе, их взгляды будут сообщаться прессе только через представителя совета д-ра Антонио Силио».

Возможно, что члены совета действительно были очень заняты, но они не были совершенно свободны в своих действиях. Лидеры эмиграции, которых держали в казарме в Опа-Локка, нервничали. Им сказали, что их привезли сюда для того, чтобы перебросить на самолете на плацдарм, как только он будет захвачен. Тогда Соединенные Штаты признают «кубинский революционный совет» как законное правительство Кубы. Члены совета надели форму цвета хаки и ждали. Им разрешили прогуливаться перед домом. Но когда Карлос Эвиа, который должен был стать министром иностранных дел свободной Кубы, попытался отойти от дома немного подальше, агент ЦРУ предупредил его, что уходить далеко не следует. Он сказал, что места здесь дикие и в кустарнике полно гремучих змей.

Марио и бойцы роты Е оттеснили ополченцев и захватили Т-образный перекресток недалеко от Плайя-Ларга.

«В 6:00 утра мы увидели первый самолет. На нем были синие полосы. Солнце еще не встало. Сначала я не разглядел полос и замер в ожидании: будет он стрелять в нас или нет? Но это оказались наши. В это время мы услышали шум еще одного мотора и увидели пару огней. Это был едущий по дороге грузовик. Мы выкрикнули пароль „агила“, но не получили никакого ответа. Мы снова закричали „агила“, но ответа вновь не последовало. Грузовик подъезжал все ближе, поэтому все вскинули оружие и начали стрелять. Грузовик вдруг подпрыгнул в воздухе и рухнул, объятый пламенем. Затем мы увидели, что в грузовике были три женщины и маленькие две девочки, вот и все. Не знаю, как это произошло, но это то, что мы получили в результате: три убитые женщины и две девочки».

К рассвету военно-воздушные силы Кастро нанесли тяжелый урон флоту вторжения. Около 9:00 утра, после прямого попадания с воздуха, «Хьюстон» начал тонуть. Капитану Луису Морсу удалось выбросить транспорт на риф в двух километрах от берега, чтобы он не затонул полностью. Вместе с большинством из 120 бойцов 5-го батальона Пересу Сальвадору пришлось добираться до пляжа вплавь. Бывший профессиональный бейсболист разделся до шорт, скинул ботинки и прыгнул в залив Кочинос.

Хоакин Варела, двадцативосьмилетний бывший пилот кубинских ВВС, возглавлял группу В-26 над Плайя-Хирон. Поскольку военно-воздушные силы Кастро по-прежнему дей-

¹¹ Хотя позже Джонса и «кубинский революционный совет» критиковали за то, что они выпускали сообщения для печати в конторе на Мэдисон-авеню, правда состоит в том, что они не писали ни одного из них. Тексты всех шести бюллетеней были продиктованы Джонсу непосредственно из ЦРУ.

ствовали, и весьма успешно, бомбардировщики летели прямо к катастрофе. Восемь пилотов-эмигрантов погибли тем апрельским утром.

Хосе Креспо и Лоренцо Перес, два летчика, которые приземлились в Ки-Уэсте в субботу, пролетели над заливом Кочинос 17 апреля. Они как раз покидали плацдарм, сбросив бомбы, когда истребитель Кастро повредил один двигатель их бомбардировщика. Креспо связался по радио с Хэппи-Вэлли и на малой высоте потянул домой.

Чиррино Пьедра, двадцатипятилетний пилот, которого так любили его товарищи, тоже разворачивался над плацдармом, когда его В-26 лишился хвоста. Самолет мгновенно взорвался, погибли Пьедра и его второй пилот Хосе А. Фернандес.

Матиас Фариас, которому было всего двадцать два года, попытался совершить вынужденную посадку на маленькой взлетно-посадочной полосе, находящейся в руках эмигрантов, на Плайя-Хирон. Груды гравия, которые встревожили ЦРУ, когда их заметил U-2 в воскресенье, были к тому моменту убраны. Но В-26 Фариаса, заходя на посадку, перевернулся и потерял хвост. Эдди Гонсалес, второй пилот, погиб. Фариас выжил, получив только легкое ранение, и вылетел на С-46 два дня спустя.

Криспин Л. Гарсия, невысокий, темноволосый пилот, сражался над плацдармом, но у него закончилось топливо. Он приземлился в Ки-Уэсте, дозаправился и вылетел в Хэппи-Вэлли со своим вторым пилотом Хуаном Гонсалесом Ромеро. У него почти получилось спастись. Примерно год спустя, во время поисков пропавшего Р-51, искореженный В-26 Криспина Гарсии был найден на склоне холма в 130 километрах к северо-западу от Хэппи-Вэлли.

Антонио Сото, невысокий темноволосый бывший кубинский военный летчик, чей самолет получил повреждение одного двигателя, приземлился на острове Большой Кайман. Он и его второй пилот Бенито Гонсалес были доставлены в Пуэрто-Кабесас, но их самолет остался на британской территории.

К месту боевых действий продолжали прибывать самолеты В-26. Двадцатипятилетний Деметрио Перес, сидя в кресле второго летчика одного из бомбардировщиков, взглянул на часы, когда самолет пересек южное побережье Кубы, направляясь к заливу Кочинос. Было 11 часов 56 минут утра. Он и командир самолета, тридцатичетырехлетний Рауль Вианельо, вели свой самолет с отставанием от графика только на две минуты.

Перес был обеспокоен. Обоих летчиков преследовали неудачи с субботы, когда при взлете для нанесения первого удара по базам Кубы один из двигателей их бомбардировщика воспламенился. Их оставили в резерве. Теперь, 17 апреля, им удалось взлететь, но с момента взлета они постоянно ощущали запах бензина в кабине. Однако возвращаться в Хэппи-Вэлли они не стали, помня о предыдущей неудаче.

Перес и Вианельо встретили самолет командира эскадрильи, когда он возвращался с участков высадки. Они сообщили ему по радио, что у них неполадки в системе подачи горючего, но что они продолжают выполнять задание. Когда они вышли к району вторжения, один из летчиков предупредил их, что в этом районе действует самолет Т-33. Через мгновение кастровский реактивный самолет спикировал на них. Но пули не задел В-26.

Бомбардировщик повернул вглубь острова, низко пролетел над болотами и уничтожил пулеметную точку, державшую под обстрелом шоссе, ведущее к побережью. Затем летчики заметили крупную автоколонну, приближавшуюся к городу Аустралиа. Колонна состояла из белой санитарной машины с красным крестом на крыше, за которой следовали джип, грузовой автомобиль и танк. Низко пролетев над колонной, чтобы лучше ее рассмотреть, летчики изумились, увидев, что милисиано приветственно машут им фуражками и оружием.

Они поняли, что милисиано не заметили голубых полос на крыле самолета, чем только и отличались бомбардировщики эмигрантов от бомбардировщиков В-26 Кастро.

Часть милисиано все еще продолжала приветственно размахивать фуражками, когда бомбардировщик сделал второй заход, на этот раз открыв огонь из пулеметов. В-26 также сбро-

сил две бомбы на автоколонну. Санитарная машина взорвалась. Позже Перес утверждал, что нападение было оправданно, поскольку в машине скорой помощи и вокруг нее находились вооруженные милисиано.

В 2 часа 15 минут дня, когда боеприпасы были израсходованы и горючего в баках оставалось мало, бомбардировщик взял курс на базу. Но как только Вианельо стал набирать высоту, чтобы уйти в облака, его бомбардировщик был настигнут градом пуль с самолета Т-33. Левый двигатель вышел из строя, и в кабине появился дым.

Перес передал по радио сигнал бедствия. Под собой летчики заметили эсминец. Подумав, что это был американский или английский корабль, Вианельо подлетел к нему ближе. «Прыгай! – приказал он своему младшему товарищу, протянул руку для рукопожатия и указал на воду: – Встретимся там. Удачи!»

Перес прыгнул. Он камнем падал вниз и сначала никак не мог найти вытяжное кольцо парашюта. Наконец это ему удалось, и он рванул кольцо. Парашют раскрылся. Перес увидел, как самолет загорелся и упал в море, но, выпрыгнув ли Вианельо, он так и не заметил.

Перес опустился на воду, надул спасательный жилет и стал ждать, когда его подберут. Через сорок пять минут, которые показались ему часами, он оказался на борту американского эсминца «Мэррей»¹².

Некоторые из В-26 все-таки вернулись в Хэппи-Вэлли. Марио Сунига, который накануне тайно прибыл из Майами, вместе со своим вторым пилотом Оскаром Верой летал на поддержку операции вторжения. Они благополучно вернулись, как и В-26, которыми управляли Гонсало Эррера, Варела, Марио Альварес Кортина и Рене Гарсия.

Креспо, стараясь вернуться домой на поврежденном самолете, поддерживал связь с пилотом С-54, который убеждал его приземлиться на острове Большой Кайман, однако Креспо не изменил курс. Он передал по радио последнее сообщение в Хэппи-Вэлли: «Пытаюсь выйти на высоту для катапультирования, топлива осталось всего на десять минут, земли не видно». Больше о нем ничего не известно.

17 апреля из Хэппи-Вэлли вылетело одиннадцать самолетов В-26. Летчикам никто не сказал, почему в последний момент была изменена задача: вместо нанесения удара по базам Кастро было приказано обеспечить поддержку высадки десанта. Они подчинились приказу. Восемь человек погибло, шесть самолетов потеряно. В Хэппи-Вэлли вернулось пять самолетов.

Доблестные усилия, потребовавшие стольких жертв, не дали большого эффекта в действиях над побережьем. Как признал позднее один из представителей ЦРУ, прикрытие с воздуха в понедельник оказалось губельным для этих летчиков.

В Нью-Йорке, в Организации Объединенных Наций, Рауль Роа был в ярости. Он обвинял Соединенные Штаты Америки в том, что они финансируют и поддерживают вторжение. Он заявил, что ЦРУ тратило на подготовку высадки по 500 тысяч долларов в месяц, что основной базой подготовки является аэродром Опа-Локка. Роа утверждал также, что главным агентом ЦРУ в Майами является Бендер. Днем в понедельник во второй раз на протяжении сорока восьми часов выступил Эдлай Стивенсон с опровержением заявления кубинского представителя.

Стивенсон не покидал Нью-Йорка на воскресенье и не виделся с Кеннеди. Для связи с ним президент послал в Нью-Йорк Макджорджа Банди, который, следя за развитием событий

¹² 19 апреля его на вертолете доставили на американский авианосец «Рэндолф», где предоставили отдельную каюту. Отсюда его переправили на самолете в Гуантанамо, откуда он был тайно перевезен на катере на главную базу ВМС США и допрошен с пристрастием офицерами военно-морской разведки, которых он довел до белого каления, повторяя придуманную ЦРУ легенду о том, что он летчик, бежавший от Кастро. Только после того, как Пересу пригрозили отправить его назад в Гавану, он рассказал правду. Его быстро перевезли на реактивном самолете в Вашингтон для дальнейшего допроса в ВМС, а потом в ЦРУ. Он встретился с военным советником президента генералом Максвеллом Тэйлором и даже попал в Белый дом. Все это время Перес находился в роскошном отеле в Александрии, штат Вирджиния. Наконец Пересу выдали новое платье и билет на самолет. Все еще обутый в ботинки парашютиста, Перес возвратился в Майами.

по сообщениям телетайпов Ассошиэйтед Пресс, проинструктировал в это утро Стивенсона в помещении делегаций США в Организации Объединенных Наций. Затем он вылетел обратно, в Белый дом.

Этот день был днем опровержений.

Они начались в Вашингтоне, когда представитель Государственного департамента Джо-зеф Рип заявил, что Государственному департаменту ничего не известно о вторжении. Пентагон тоже заявил, что он ничего не знает ни о каком вторжении. Ничего не сообщал и Белый дом. «Нам известно о Кубе, – передавало агентство Ассошиэйтед Пресс высказывание Пьера Сэлинджера, – только то, что сообщают телеграфные агентства».

Самые глубокие заверения поступили от государственного секретаря Раска, который заявил по поводу положения на Кубе: «Нет и не будет никакой интервенции на Кубу со стороны вооруженных сил США. Об этом ясно заявил президент. Он заявил также о нашей решимости сделать все возможное для того, чтобы американцы не принимали никакого участия в событиях на Кубе. Мы не располагаем полной информацией о том, что происходит на этом острове. Американский народ имеет право знать, вмешиваемся ли мы в дела на Кубе и намерены ли мы сделать это в будущем. На этот вопрос мы отвечаем отрицательно. То, что происходит на Кубе, является делом, которое должен решить сам кубинский народ».

На другой стороне земного шара советское правительство сделало заявление, в котором содержалась угроза оказать помощь Кастро, если Кеннеди не остановит вторжение.

Во времена Древнего Рима преследуемые за веру христиане рисовали рыбу, когда хотели сообщить о предстоящем проведении тайного собрания. ЦРУ выбрало этот знак в качестве символа вторжения. (Отсюда и сообщение о поднимающейся рыбе, которое передала радиостанция с острова Суон в воскресенье вечером.) В понедельник вечером в Нью-Йорке из ЦРУ продиктовали Лему Джонсу текст бюллетеня № 3. В нем упоминалось о поднимающейся рыбе. Когда Джонс показал его Силио, представитель кубинских эмигрантов забеспокоился. Для кубинцев сообщение о поднимающейся или стоящей рыбе могло иметь и гораздо более ясное значение. Джонс спорил с Силио, и лишь в 7 часов 15 минут вечера бюллетень выпустили без поправок, несмотря на опасения кубинца. Кубинское восстание должно было развернуться в ближайшие несколько часов. Текущие действия были в основном направлены на снабжение и поддержку.

В этот понедельник поздно вечером Даллес спешил домой из Пуэрто-Рико. В Вашингтоне уже чувствовали всю катастрофичность последствий отмены второго удара с воздуха. Было ясно, что волна вторжения быстро отступает назад. За два дня после 15 апреля эмигранты потеряли десять из первоначально имевшихся шестнадцати самолетов В-26. В течение сорока восьми часов погибло десять летчиков.

В этих условиях Вашингтон вновь решил нанести второй удар с воздуха по базам Кастро. Но летчики-кубинцы уже изнемогали от усталости. К тому же стояла плохая погода. Важно было застать самолеты Кастро перед рассветом на земле, а ведь уже было потеряно восемнадцать часов.

Итак, в 8 часов вечера в понедельник 17 апреля из Хэппи-Вэлли вылетели три бомбардировщика В-26. Их целью был аэродром в Сан-Антонио-де-лос-Баньос. Ударную группу возглавлял Хоакин Варела, несмотря на то что он и его второй пилот Томас Афонт уже летали этим утром. В темноте Варела не смог найти Сан-Антонио. Так как по приказу он имел право бомбить только военные объекты, он, не сбросив бомб, вернулся в Хэппи-Вэлли. Другой самолет из-за неисправности в двигателе повернул назад еще до того, как вышел на цель. То же произошло и с третьим самолетом.

Через два часа, в 10 часов вечера, из Хэппи-Вэлли вылетели еще два бомбардировщика В-26. Однако на их долю выпал не больший успех, чем на долю предыдущих трех самолетов.

Таким образом, в понедельник ночью все пять самолетов В-26 вернулись на базу, не нанеся никакого ущерба противнику. Эффект запоздалого второго удара с воздуха был равен нулю.

Утром 18 апреля высадившаяся бригада оказалась разбросанной на трех участках южного побережья Кубы. К востоку от залива Кочинос эмигранты удерживали Плайя-Хирон и несколько продвинулись вглубь острова. В северной части залива Кочинос Марио Абриль и весь 2-й батальон занимали позицию в ложине, оседлав Т-образный перекресток дорог поблизости от Плайя-Ларга. Выемка была вырыта в связи с дорожно-строительными работами. Батальон здесь был единственным подразделением эмигрантов, так как бойцы 5-го батальона, отправившиеся к берегу вплавь с «Хьюстона», были отнесены течением километров на двадцать к югу от Плайя-Ларга. В результате 2-й и 5-й батальоны не смогли соединиться друг с другом, как это планировалось.

Снаряды все время рвались вокруг ложины. Вот рассказ Марио Абриля: «Они обстреливали нас из минометов и орудий в течение трех часов. Затем примерно в половине первого, а может быть, в час ночи обстрел прекратился. Стало тихо. Потом мы услышали шум приближающихся танков. Они подходили все ближе. Наши танки заняли позиции по обеим сторонам дороги. Показался первый кастровский танк с включенными фарами и закрытым люком. Один из наших танков подбил его. Подбитый танк остановился как раз посередине шоссе. Но они его убрали с дороги. Танки продолжали подходить. Они послали восемь танков, но только один из них прорвался к берегу».

В 3 часа 44 минуты утра, в то время когда 2-й батальон отбивался от танков Кастро, радио с острова Суон передало обращение к кубинской армии и милисиано с призывом к восстанию: «Сейчас самый подходящий момент для вас занять стратегические позиции, контролирующие автомобильные и железные дороги! Берите в плен или расстреливайте тех, кто отказывается подчиняться вашим приказам! Товарищи из военно-морских сил, это ваша возможность доказать свою преданность родине... Примите командование и боритесь за свободную Кубу. Товарищи из Военно-воздушных сил! Слушайте внимательно! Все самолеты должны оставаться на земле. Проследите, чтобы ни один самолет фиделистов не взлетел. Уничтожьте радиостанции, повредите приборы и топливные баки! Откажитесь от технического обслуживания! Сообщите своим друзьям, что свобода и честь ждут тех, кто присоединится к нам. Смерть постигнет предателей, которые этого не сделают!»

Через три часа после этого последовала новая передача с призывом населения к саботажу: «Жители Гаваны, внимание! Помогите храбрым солдатам армии освобождения. Электростанции не должны сегодня обеспечивать электроэнергией те немногие отрасли промышленности, которые режим пытается сохранить в рабочем состоянии. Сегодня в 7:45 утра, по сигналу на этой станции, весь свет в вашем доме должен быть включен; все электроприборы должны работать. Увеличьте нагрузку на генераторы электрической компании! Но не волнуйтесь, жители Гаваны, силы освобождения восстановят электростанции, и они будут быстро введены в эксплуатацию».

Но на Плайя-Ларга силы освобождения попали в беду. Марио и 2-й батальон получили плохие известия: им придется отступить.

«В 11 часов утра мы получили приказ двигаться к Плайя-Хирон, чтобы соединиться с другими батальонами. Я спрашивал себя почему? Мы ведь выиграли сражение против танков этой ночью без боеприпасов, без поддержки, без 5-го батальона, который находился в другом месте. Итак, мы сели в грузовик и поехали на Плайя-Хирон, расположенный в 50 километрах вдоль побережья. Мы добрались туда в 12:30, может быть, в час дня. Там мы отдохнули, и я перекусил парой крекеров, запив их водой. Мы остановились в новом доме, который Кастро построил для рабочих. Тем временем самолеты Кастро совершили налет – бомбили и стреляли. Но мы так устали, что для нас это не имело никакого значения».

Военно-воздушные силы эмигрантов все еще действовали, несмотря на вероятность того, что во вторник днем из-за грозы небольшая река за взлетно-посадочной полосой в Хэппи-Вэлли разольется, во всяком случае, скорпионы и змеи возле оперативного здания заблаговременно попрятались в укрытия.

В 2 часа дня с аэродрома все же поднялись шесть самолетов В-26. Их целью была большая колонна бронированных машин Кастро, двигавшаяся к все более сокращавшемуся плацдарму в районе залива Кочинос.

На одном из бомбардировщиков летел Марио Сунига, с которым в качестве второго пилота был начальник оперативного отдела Мануэль Вильяфана. Свои обязанности в Хэппи-Вэлли Вильяфана передал заместителю Луису Косме. Три самолета В-26 этой ударной группы вели Рене Гарсия, Антонио Сото и Густаво Понсоа. Несмотря на заявление президента о том, что ни один американец не будет участвовать в боевых действиях, два других бомбардировщика пилотировали американцы из ЦРУ.

Один из них был инструктором, который называл себя Сейгом Симпсоном. Он рассказывал кубинцам, как участвовал в войне в Корее. Вторым пилотом у него был кубинец Густаво Вильольдо. Двадцатидвухлетний кубинец-эмигрант Альберто Перес Сордо летел в качестве второго пилота с другим американцем.

Шести бомбардировщикам понадобилось всего двадцать пять минут для того, чтобы уничтожить колонну Кастро, двигавшуюся по дороге к побережью. Все шесть бомбардировщиков со своими экипажами благополучно возвратились в Пуэрто-Кабесас.

В тот же день, 18 апреля, авиация пополнилась четырьмя самолетами Р-51 «Мустанг», полученными от правительства Никарагуа. Вся сложность состояла в том, что летчики-кубинцы не были подготовлены к полетам на этих самолетах. На «Мустангах» так и не летали.

Во вторник в 1 час 20 минут дня в Нью-Йорке Лем Джонс опубликовал бюллетень № 4 «кубинского революционного совета». Впервые в бюллетене появились пессимистические нотки: «Кубинские борцы за свободу в районе Матансас подвергаются атакам со стороны тяжелых советских танков и самолетов МиГ¹³, которым удалось уничтожить значительное количество медикаментов и снаряжения».

Тем временем советская нота была передана в Вашингтон. Соединенные Штаты обвинялись в ней в том, что они вооружили и обучили кубинских эмигрантов. В ней заявлялось, что Советский Союз окажет Кастро всю необходимую помощь, если Вашингтон не прекратит вторжение. В ответ советского посла Михаила Меньшикова немедленно вызвали в Госдепартамент и уведомили о заявлении президента Кеннеди, который предостерегал Хрущева от вмешательства.

В Организации Объединенных Наций представитель СССР Зорин высмеял следовавшие одно за другим опровержения Стивенсона в отношении ответственности Соединенных Штатов за действия эмигрантов.

Несколько ранее Карлос Алехос, брат Роберто, выступил в Организации Объединенных Наций и заявил, что он недавно возвратился из поездки в Гватемалу и хочет сообщить в ответ на обвинения Кубы, что войска, высадившиеся на Кубе, не обучались в Гватемале и прибыли не с территории Гватемалы. Алехос торжественно заверил Организацию Объединенных Наций в том, что Гватемала никогда не позволяла и не позволит использовать свою территорию для организации актов агрессии против братских латиноамериканских республик.

Во вторник вечером в Белом доме на традиционный прием, устраиваемый президентом для членов конгресса и их семей, собралось более тысячи гостей. Лились потоки шампанского

¹³ В период вторжения у Кастро не было самолетов МиГ в воздухе. По-видимому, здесь имеются в виду реактивные учебно-тренировочные самолеты Т-33.

и пунша. Ровно в 10 часов 15 минут вечера президент и его жена Жаклин спустились к гостям по главной лестнице. Заиграл оркестр морской пехоты. Супруги Кеннеди начали первый танец. Вице-президент Линдон Джонсон и его жена леди Берд присоединились к первой паре. Посредине первой части танца Кеннеди и Джонсон обменялись партнершами. Президент ходил среди гостей, улыбался и, казалось, не чувствовал себя обремененным заботами. Но в 11 часов 45 минут вечера гости отметили, что он незаметно их покинул.

Президент, все еще одетый в костюм для официальных приемов, встретился в полночь в Белом доме со своими высшими военными и гражданскими советниками. На совещании присутствовали члены Комитета начальников штабов и высшие чиновники ЦРУ. В этот момент вторжение находилось на грани катастрофы. На совещании Ричард Биссел утверждал, что операцию еще можно спасти от провала, если президент разрешит применить реактивные самолеты с американского авианосца, находившегося тогда в море между Ямайкой и Кубой.

Однако президент уже неоднократно заявлял как в частных беседах, так и публично (на пресс-конференции 12 апреля), что вооруженные силы Соединенных Штатов не будут использоваться на Кубе, и теперь ему не хотелось менять свою позицию.

Биссел, который непосредственно занимался кубинской операцией уже свыше года, отчаянно боролся за то, чтобы теперь спасти ее при помощи воздушных сил США. Этого же добивался адмирал Бэрк. Как и Биссел, он просил разрешения послать реактивные самолеты ВМС в район плацдарма.

Бэрк предложил и другие варианты: высадить роту морской пехоты, разрешить американскому эскадренному миноносцу оказать поддержку эмигрантам огнем своих орудий, разрешить реактивным самолетам ВМС США полеты на границу трехмильной зоны. Председатель Комитета начальников штабов генерал Лемницер и начальник штаба ВВС США генерал Уайт поддержали предложение Бэрка о допущении полетов реактивных самолетов ВМС США над участками высадки.

Президент отклонил эти предложения. Тогда Бэрк предложил разрешить полеты над плацдармом самолетам ВМС США без американских опознавательных знаков. Пока обсуждались эти варианты, стрелки часов уже передвинулись за полночь и наступила среда 19 апреля. Наконец было найдено компромиссное решение. Президент разрешил реактивным самолетам без опознавательных знаков с американского авианосца «Эссекс» совершать полеты над заливом Кочинос в течение часа после рассвета. Они должны были прикрывать вылетающие из Хэппи-Вэлли самолеты В-26, которые готовили удар по наземным целям. Американские истребители обеспечивали «мертвое прикрытие». Это означало, что они должны были все время находиться между бомбардировщиками В-26 и самолетами противника. Истребители ВМС не должны были участвовать в штурмовых ударах и вообще открывать огонь. Но им в соответствии с решением президента разрешалось открывать ответный огонь, если они подвергнутся обстрелу.

Во всем этом заключался тонкий смысл. Если самолеты Кастро откроют огонь, американские истребители не смогут точно установить, ведется ли он по бомбардировщикам В-26 или по ним самим. Другими словами, занимая место между бомбардировщиками В-26 и самолетами Кастро, они вынудят противника открыть огонь и будут иметь право открыть ответный огонь.

Бэрк набросал текст приказа в своем блокноте. Он был передан по телефону в центр связи Комитета начальников штабов в Пентагоне и тотчас же послан в Норфолк, штат Вирджиния, командующему Атлантическим флотом, откуда его направили командующему вторым флотом, а затем на авианосец. Опознавательные знаки на реактивных истребителях ВМС США было приказано закрасить.

В Хэппи-Вэлли, в помещении, используемом авиаторами в качестве оперативной комнаты, в час ночи проходило совещание. На нем присутствовали генерал Достер, Райли Шем-

бургер-младший – один из летчиков ЦРУ, майор ВВС национальной гвардии штата Алабама, и кубинец Луис Косме.

Все понимали, что обстановка угрожающая и что нужно что-то делать. Кубинские летчики были измучены, десять летчиков погибло. Щадя уставших кубинцев, американские советники, начиная с этой ночи, согласились разрешить ночные полеты американским летчикам. Никого не принуждали, нашлись добровольцы, хотя все подписывали контракт с ЦРУ и было понятно, что в какой-то момент им, возможно, придется выполнять боевые задания.

Теперь заверение в том, что ни вооруженные силы США, ни американские граждане не будут вмешиваться в борьбу, было нарушено дважды, так как американские летчики, состоявшие на службе ЦРУ, принимали непосредственное участие во вторжении, а реактивные истребители ВМС США должны были прикрывать их от атак противника.

В эту ночь вылетело пять бомбардировщиков В-26. На одном летели Шембургер и его соотечественник Уэйд Керрол Грей. На другом самолете также летели два американца – Томас Уиллард Рей и Лео Френсис Бейкер. Кроме них летели еще три американца. Один из них был известен под именем Джо, второй пилот у него был тоже американец; третьим был Сейг Симпсон. Пятый самолет В-26 пилотировал кубинец Гонсало Эррера.

Должны были совершить полет еще три кубинца, в том числе Сунига, но полеты были отменены до того, как они поднялись в воздух.

Биссел покинул Белый дом, считая, что реактивные истребители появятся над плацдармом на рассвете одновременно с самолетами В-26. То, что произошло дальше, так и потонуло в потоке противоречивых объяснений.

Биссел, конечно, не нес ответственности за то, что был отдан приказ о полетах реактивных истребителей ВМС США, но он обязан был известить об этом авиацию эмигрантов. Из своего тайного бюро он передал сообщение о том, что прикрытие американскими самолетами будет осуществляться в течение часа после рассвета для обеспечения удара самолетов В-26 по наземным объектам. Биссел сам не писал этого приказа. Он повторил его устно дежурному полковнику по управлению, который, в свою очередь, передал его в Хэппи-Вэлли.

Сообщение Биссела поступило в Хэппи-Вэлли незадолго до вылета Шембургера, Грея, Рея и Бейкера.

Поэтому эти четыре американца вылетели к заливу Кочинос, считая, что их будут прикрывать истребители ВМС США. Но такого прикрытия не было. Где-то произошла роковая неувязка между ЦРУ и ВМС США. Сначала в ЦРУ думали, что приказ президента, поступивший на авианосец, составлен в таких осторожных выражениях, что реактивные истребители не смогут действовать против самолетов Кастро, поскольку они не подвергались обстрелу. Позже в ЦРУ поняли, что неувязка произошла из-за ошибки в расчете времени. В секретном заключении о событиях над заливом Кочинос было официально отмечено, что бомбардировщики прибыли на место уже после того, как истребители ушли, потому что истек час, отведенный на прикрытие.

Как это случилось, наверное, никогда не будет установлено точно (никаких публичных объяснений не давалось), но факты приводят к невероятному заключению, что вся эта путаница произошла из-за неточности в указании времени по часовым поясам. Залив Кочинос, как и Вашингтон, находится в зоне восточного стандартного времени, а поясное время в Никарагуа отстает от него на час. Это значит, что самолет, вылетевший из Хэппи-Вэлли, находящегося в Никарагуа, в 3 часа 30 минут по местному времени, прибыл бы в район залива Кочинос в 6 часов 30 минут по времени Никарагуа, то есть сразу после рассвета. Но из-за разницы в поясном времени в заливе Кочинос было в этот момент 7 часов 30 минут, то есть самолет опаздывал на целый час.

ЦРУ и ВМС США не согласовали свои приказы флоту и базе в Хэппи-Вэлли. Бэрк просто направил свой приказ флоту, а Биссел передал приказ в Хэппи-Вэлли.

Ни один из них не видел приказа, который передавал другой.

Неразбериха с поясным временем, возможно, была вызвана тем, что ВМС всегда передают сообщения, указывая среднее время по Гринвичскому меридиану; ЦРУ же указывает иногда стандартное время¹⁴, а иногда среднее время по Гринвичскому меридиану.

Во всяком случае, летчики ВМС доложили, что они так и не встретили бомбардировщиков ЦРУ. Они утверждали, что не видели ни бомбардировщиков, ни самолетов Кастро. После того как истек час патрулирования, они возвратились на авианосец.

Утром 19 апреля сложили свою голову четыре американца. Райли Шембургер и Уэйд Грей были сбиты и упали в море. Рей и Бейкер были сбиты и, по-видимому, врезались в землю на самом острове. Долговязый американец Джо так и не вышел в район плацдарма. Он услышал по радио призывы о помощи четырех американских летчиков, когда были сбиты их самолеты, и повернул назад. Гонсало Эррера на изрешеченном пулями самолете также возвратился на базу.

В 8 часов 30 минут утра в Хэппи-Вэлли Гар, главный авиационный советник ЦРУ, вызвал добровольцев из числа кубинцев для нового вылета на плацдарм.

Луис Косме, заместитель начальника штаба авиации кубинцев-эмигрантов, собрал летчиков. Они хотели лететь, но, так как новый полет над плацдармом означал для них почти неминуемую гибель, они хотели знать, почему их посылают.

«Мы должны продержаться еще двадцать четыре часа, – заявил руководитель из ЦРУ. – Не будем вдаваться в подробности, но кое-что должно скоро произойти».

Такими туманными обещаниями кубинцы к этому времени уже были сыты, и теперь они взбунтовались. Косме сказал, обращаясь к собравшимся летчикам: «Я думаю, у нас было достаточно потерь. Я считаю, что эта операция провалилась. Не вижу причин для продолжения полетов. Пусть назначат другого начальника штаба, в противном случае ни один самолет с кубинцами на борту не вылетит из Хэппи-Вэлли».

В 9 часов 45 минут утра полеты из Хэппи-Вэлли были прекращены. За четыре дня боевых действий самолеты эмигрантов совершили более тридцати шести боевых вылетов в условиях подавляющего превосходства противника. Они вели бои против превосходящих по скорости и маневренности истребителей Кастро. Сами летчики были совершенно измотаны, не имея возможности ни отдохнуть, ни выспаться. Авиация ЦРУ потеряла двенадцать из двадцати четырех бомбардировщиков В-26. Погибло четырнадцать летчиков: десять кубинцев и четыре американца.

В последний день операции по вторжению Марио Абриль со своим батальоном находился к западу от Плайя-Хирон, сражаясь против милисиано. Занимаемый батальоном район постепенно сокращался.

«Мы находились там до часу дня. В это время командир батальона Эрнеидо Олива сказал нам, что дела наши плохи и что мы не добились ничего и не получили никакой поддержки от американцев. Мы видели их корабли, а помощи от них не было. Он предложил нам попытаться укрыться в горах. Он сказал также, что сам собирается поступить так, чтобы сражаться до тех пор, пока мы сможем что-нибудь сделать. И мы отправились в горы. На Плайя-Хирон я набрал воды и с двумя своими друзьями стал пробираться в лес.

Это было около четырех часов дня¹⁵. Чувствовал я себя очень плохо. Я пошел в сторону Сьенфуэгос. У меня там были друзья, и я думал, что если доберусь туда, то буду спасен».

Вторжение окончилось. К 5 часам 30 минутам войска Кастро уже прочесывали район Плайя-Хирон. В это же время возмущенные члены «кубинского революционного совета»,

¹⁴ Стандартное время – среднее время, считаемое в некоторых государствах по местному времени центрального пункта страны. Оно отличается от местного поясного времени. (*Примеч. ред.*)

¹⁵ Несколько солдат из бригады утверждали позднее, что видели американские реактивные истребители над плацдармом приблизительно в это время. Но это было уже намного позже установленного президентом США часа прикрытия с воздуха на рассвете.

освобожденные наконец из заточения в Опа-Локка, тайно встретились с Кеннеди в Белом доме. Ночью Артур Шлезингер-младший, историк из Гарвардского университета и советник президента, и Адольф Берл вылетели в Майами, чтобы задобрить кубинских лидеров, после чего членов совета доставили в Вашингтон для встречи с президентом, которая была для него нелегкой. Об этой встрече Белый дом сообщил только на следующий день.

В Нью-Йорке Лем Джонс выпустил еще два бюллетеня, продиктованные ЦРУ. В последнем из них с сожалением отмечалось: «...Недавние десантные операции на Кубе безосновательно рассматривались как вторжение. Фактически же они представляют собой действия, основная цель которых заключается в доставке предметов снабжения и подкрепления для наших патриотов, которые сражаются на Кубе уже в течение многих месяцев. С сожалением мы признаем, что в сегодняшних боевых действиях одна наша прикрывающая группа, отважно сражаясь против танков и артиллерии, подвергаясь атакам русских МиГов, понесла большие потери. Ее доблестные действия позволили главным силам нашего десанта уйти в горы Эскамбрай.

Мы не исходили из того, что немедленно свергнем Кастро. Разумеется, мы не предполагали встретиться без ущерба для себя с советским оружием, применением которого руководили коммунистические советники. Мы встретились с ним и выжили! Борьба за свободу шести миллионов кубинцев продолжается!»

Марио Абриль и сотни его товарищей были взяты в плен на следующий день. Последующие полтора года он провел в гаванской тюрьме. В Соединенные Штаты он вернулся с остальными бойцами бригады после обмена пленными на рождество 1962 года.

Мануэль Перес Сальвадор из Форт-Лаудердейла в течение десяти дней питался раками и пил грязную воду, после того как доплыл до берега с тонувшего «Хьюстона». Ноги его, искушенные насекомыми, опухли и болели. Он со своим спутником нашел на берегу банку мясных консервов советского производства и пытался ее открыть, когда из-за поворота вынырнула моторная лодка с милисиано.

С лодки на них направили пулемет, и они сдались. Так попало в плен большинство бойцов бригады. Немногим удалось бежать на небольших лодках. Их потом подобрала в море корабли ВМС США и торговые суда. Очень мало кому удалось бежать с помощью кубинского подполья.

Авиация эмигрантов не принимала больше участия в боевых действиях. Ее задачи были исчерпаны, но не совсем. Летчик Гарсия, отказавшийся сбросить молодого раненого парашютиста-десантника над Сан-Бласа, получил последнее задание.

Утром 20 апреля он вылетел из Хэппи-Вэлли далеко в море, взяв на борт тысячи листовок, отпечатанных ЦРУ. Они были упакованы в специальные контейнеры, открывающиеся после сбрасывания их с самолета. Листовки предназначались для того, чтобы на Кубе открывать путь продвигающимся с победой эмигрантам.

За многие сотни километров от побережья Никарагуа, вне видимости с земли, Гарсия сделал вираж и приступил к последнему этапу своего задания в заливе Кочинос. Контейнеры, кувыряясь, полетели из самолета и, подхваченные ветром, раскрылись. Гарсия видел, как листовки падали в море.

Глава 4. Бирмингемские вдовы

Четыре вдовы, мужа которых погибли в заливе Кочинос, в 1963 году жили в Бирмингеме, штат Алабама. В течение длинного жаркого лета того года Бирмингем был городом насилия и страха. Но эти четыре вдовы жили в атмосфере какой-то особой, странной боязни, вызванной отнюдь не бесчинствами расистов в городе.

Чья-то невидимая рука каждые две недели присылала им чеки на 245 долларов. Они догадывались, что если будут говорить слишком много, то эта же самая невидимая рука может прекратить выплату им денег. Одна из вдов, миссис Маргарет Рей, привлекательная брюнетка с тихим голосом, жила в наибольшем страхе: она всерьез опасалась, что ее разговоры по телефону подслушивают и что сама она находится под постоянным наблюдением.

Неужели это были фантазии больного сознания несчастной вдовы, оставшейся без помощи с двумя малолетними детьми на руках? Скорее всего, нет. Дело четырех бирмингемских вдов является трагедией XX века. Это в некотором смысле сюжеты Джорджа Оруэлла и Франца Кафки, ставшие явью.

Мужьями этих четырех женщин были Томас Уиллард Рей, Лео Френсис Бейкер, Райли Шембургер и Уэйд Керрол Грей – летчики ЦРУ, погибшие 19 апреля 1961 года при выполнении боевых заданий в районе залива Кочинос.

Отгадку таинственной истории с чеками, получаемыми вдовами этих летчиков, хранил маленький двухэтажный дом на тихой, усаженной пальмами улице в Майами-Спрингс во Флориде, расположенной чуть севернее международного аэропорта Майами. В этом доме, как гласила вывеска на фасаде, помещалась юридическая контора Алекса Карлсона.

Карлсон, высокий, плотный блондин, во время Второй мировой войны в течение трех лет сражался на Новой Гвинее, Филиппинах и Окинаве. После войны он получил степень бакалавра по испанской филологии в Мичиганском университете. К 1952 году Карлсон (в то время ему было двадцать семь лет) заканчивал юридическую школу при университете в Майами. В этом же году он выехал на учебу в Чили в порядке обмена студентами.

Вернувшись в Майами, он занялся практикой в Майами-Спрингс. Клиентами его были в основном небольшие авиакомпании, проводившие пассажирские и грузовые операции с международного аэропорта Майами.

Однако захватывающая деловая активность Карлсона была связана с компанией «Дабл-Чек корпорейшн». Согласно официальным записям секретаря штата Флорида в Таллахасси, эта фирма была зарегистрирована 14 мая 1959 года с указанием, что общим занятием фирмы является посредничество.

Официальными представителями фирмы в 1963 году были следующие лица: Алекс Карлсон – президент; Эрл Сэндерс – вице-президент; Марджори Карлсон – секретарь-казначей. В качестве постоянного представителя был указан Уэсли Пиллсбери.

В 1960 году ЦРУ, получив разрешение президента Эйзенхауэра на создание организации кубинских эмигрантов, начало подыскивать летчиков-американцев для работы в качестве инструкторов. Так как кубинцы должны были летать на самолетах В-26, принадлежащих ЦРУ, управление искало американцев, которые летали на этих самолетах во время войны.

ЦРУ решило провести вербовку летчиков с помощью Алекса Карлсона и «Дабл-Чек корпорейшн». Управление обычно использует такого рода прикрытие, когда вербует летчиков для проведения тайных операций. Чтобы подыскать таких летчиков, ЦРУ, вполне естественно, обратилось к ВВС национальной гвардии штатов Алабама, Вирджиния и Арканзас, где до последнего времени использовались устаревшие самолеты В-26.

Около двух десятков летчиков из этих штатов заключили контракты с ЦРУ через посредничество «Дабл-Чек корпорейшн». Большинство из них было из штата Алабама, в основном из района Бирмингема. Врач подразделения был из Монтгомери.

Командующий ВВС национальной гвардии штата Алабама генерал Рид Достер являлся главным действующим лицом при проведении операции ЦРУ в Реталулеу. (Достер оставил службу в ЦРУ и в 1963 году снова командовал ВВС национальной гвардии Алабамы и ее 117-м разведывательным крылом.)

Так как ВВС национальной гвардии Алабамы подчинялись 9-й тактической воздушной армии, Достер посетил командующего армией генерал-майора Дэвида Хатчинсона. Он просил предоставить долгосрочный отпуск себе и двенадцати летчикам ВВС национальной гвардии Алабамы. Хатчинсон согласился предоставить отпуск.

Летчики вместе с Достером поступили на службу в ЦРУ в качестве гражданских лиц.

Каждый из летчиков дал клятву хранить тайну. Все торжественно заявили, что не будут говорить о том, что делается в учебных центрах, и о том, что будет происходить в районе залива Кочинос.

Томас Уиллард Рей, погибший в возрасте тридцати лет, родился 15 марта 1931 года. Он начал встречаться с Маргарет Хейден, когда еще учился в таррантской средней школе. С 1950 по 1952 год он служил в ВВС и был уволен в запас в звании штаб-сержанта.

В декабре 1952 года Рей поступил на работу в «Хейс интернейшнл корпорейшн» – крупную фирму, занимавшуюся модификацией самолетов. Главный завод этой фирмы находился в районе Бирмингемского аэропорта.

Рей был техником-инспектором, но поддерживал свою квалификацию летчика, летая на самолетах В-26 и F-84 в составе ВВС национальной гвардии штата Алабама.

Он женился на Маргарет, и у них родилось двое детей. Томасу было восемь лет, а Джанет Джой шесть лет, когда погиб их отец. За пять лет до трагических событий супруги построили красивый кирпичный дом в пригороде Бирмингема.

Рей не особенно любил летать на реактивных самолетах и вместе с несколькими другими летчиками был переведен в резерв. Он покинул фирму Хейс и в течение года до поступления на службу в ЦРУ служил в кадрах в Форт-Раккере, километрах в трехстах к югу от Бирмингема. В январе 1961 года его вызвали по телефону.

Он сказал жене, что собирается ехать в школу объединенных родов войск.

5 февраля 1961 года миссис Рей с детьми переехала к своей матери в Бирмингем. Ее муж уехал в тот же день. Он не сказал, куда уезжает, но дал следующий адрес: Чикаго, штат Иллинойс, главный почтамт, почтовый ящик 7924, Джозефу Гринленду (для Рея).

В телефонном справочнике Чикаго Джозефа Гринленда не было ни в 1960, ни в 1961, ни в 1962 году. Почтовый ящик был предназначен для писем, направляемых в ЦРУ, а сотрудник управления, вероятно, выбрал кодовое имя по ассоциации с зеленой тропической растительностью острова, ставшего целью операции.

Маргарет писала мужу через Джозефа Гринленда, и на его ответных письмах в качестве обратного адреса указывались различные базы ВВС. Рей приезжал домой только один раз, 10 апреля, всего на два дня. Он сильно загорел. Тогда он не сказал жене, чем занимается, но она сама стала догадываться, связывая воедино газетные заметки и свои подозрения. Она высказала ему свои предположения и сомнения.

«Если ты что-то узнала, – сказал он ей, – то держи язык за зубами, потому что „они“ думают проверить жен с помощью детектора лжи». Он рассказал, что «они» могут это сделать, чтобы проверить, не нарушалась ли клятва сохранять тайну из-за болтовни жен в Бирмингеме.

15 апреля Маргарет была со своей подругой в доме матери, когда подруга показала ей газету, в которой говорилось о налете самолетов В-26 на Кубу. От волнения у Маргарет задрожали руки.

Лео Бейкер, погибший в возрасте тридцати четырех лет, был уроженцем Бостона. Невысокого темноволосого красавца многие из знакомых считали итальянцем из-за внешности и того факта, что он владел двумя пиццериями в Бирмингеме. На самом деле он был сыном матери-француженки и отца, приехавшего с Ньюфаундленда.

Он поступил на службу в ВВС в 1944 году, служил в качестве бортмеханика и был уволен в запас в звании техника-сержанта. Он женился, а затем развелся. У него была дочь Тереза. Бейкер участвовал в войне в Корее, затем в 1957 году поступил на работу в фирму «Хейс». Кроме того, он открыл пиццерию в Ист-Лейке. На следующий год в пиццерию Лео как-то зашла привлекательная брюнетка с голубыми глазами. Он нанял ее на работу. Ее звали Кэтрин Уокер. Она родилась в Кентукки, но воспитывалась в Бирмингеме и окончила там вудлонскую среднюю школу. Они начали встречаться и поженились 12 августа 1959 года. В декабре он был уволен с работы в фирме «Хейс», но купил еще одну пиццерию в Хоумвуде. Кэти управлялась в одной, Лео – в другой. Он много работал, и его небольшое дело процветало. У них было двое детей: Бет, родившаяся 22 апреля 1960 года, и Мэри, которая никогда не видела своего отца. Она появилась на свет 26 сентября 1961 года, через шесть месяцев после его смерти.

В январе 1961 года Лео Бейкер поехал в Бостон на похороны своего отца. Он сказал Кэти, что ждет телефонного звонка, и ему действительно позвонили во время его отсутствия.

Вскоре после этого, в конце января, Бейкер уехал из дому. Он не сообщил Кэти, куда едет, но сказал, что она может писать ему через Джозефа Гринленда в Чикаго.

Однажды его письмо пришло из Вашингтона: обычно же на его письмах стоял штемпель Форт-Лаудердейла в штате Флорида. На одной почтовой открытке, присланной из этого города, была сфотографирована гостиница, стоящая у пруда с тропическими рыбами. Как-то Лео приехал в Бирмингем с пластмассовым мешком, полным тропической рыбы. Он сказал жене, что сбрасывает над Кубой различные грузы и обучает летчиков. Через каждые две-три недели он ненадолго приезжал домой. За две недели до Пасхи Бейкер был дома в последний раз. Он приехал в субботу и уехал в воскресенье, и это был последний раз, когда Кэти видела его.

«Следи за газетами в начале мая», – сказал он ей при прощании.

Кэти думала тогда, что он отправился в Гватемалу. Позднее она узнала, что перед вторжением на Кубу он выиграл в покер в Центральной Америке 300 долларов. Когда кто-то спросил, собирается ли он послать эти деньги домой, он ответил: «Я беру их с собой на Кубу. Может быть, они понадобятся мне для того, чтобы выпутаться из неприятностей».

Кэти не знала, сколько денег платят Лео. Но она получала 500 долларов в месяц, когда он был в отъезде.

Райли Шембургер, самый старший из четырех летчиков, родился в Бирмингеме 17 ноября 1924 года. Женился на Марион Джейн Грейвс, которую любил с юных лет. Первая их встреча произошла за двенадцать лет до свадьбы, когда они учились в начальной школе Вудлона. После Пёрл-Харбор Шембургер бросил школу и поступил в авиацию. Боевой летчик, принимавший участие во Второй мировой войне и в военных действиях в Корее, Шембургер оставался веселым и общительным человеком.

Он любил летать. К 1961 году он налетал пятнадцать тысяч часов и имел уже восемнадцатилетний опыт. Работая летчиком-испытателем в фирме «Хейс», он имел звание майора ВВС национальной гвардии штата Алабама. Он был близким другом генерала Достера.

В общем, Шембургер преуспевал: он был владельцем солидного дома в Ист-Лейке. Шамбургеры были частью веселой компании летчиков и их жен, которые часто встречались за пивом и барбекю. Помимо полетов, Райли ничего так не любил, как сидеть перед телевизором с ящиком пива, поедая свое любимое блюдо – жареный арахис. А еще ему нравилось готовить свиные отбивные на гриле.

В начале 1961 года Райли сказал жене: «Я собираюсь поехать в школу на три месяца». Он не сказал, куда едет, но раз в неделю возвращался в Бирмингем. Он и Достер прилетали вместе.

Иногда он привозил новости о других знакомых из Бирмингема (например, о полковнике Джо Шэнноне), которые принимали участие в этой таинственной операции.

Уэйд Керрол Грей родился в Бирмингеме 1 марта 1928 года. Ему было тридцать три года, когда он погиб. Одно время он также работал в фирме «Хейс» в качестве техника по радиоэлектронной аппаратуре (его уволили в 1960 году). Он женился на хорошенькой Виолет 14 декабря 1946 года. Они поселились в Пинсоне – пригороде, где Уэйд жил всю жизнь. Детей у них не было.

Грей уехал из дому 5 февраля 1961 года, в тот же день, когда Рей простился с Маргарет. Жене он сообщил, что отправляется в Техас испытывать самолеты, что программа испытаний секретная, поэтому он ничего больше сказать не может.

В первый раз он вернулся домой в краткосрочный отпуск в начале марта 1961 года. Он также сказал своей жене, чтобы она писала ему через Джозефа Гринленда. Некоторые из написанных Виолет писем были возвращены ей вместе с вещами мужа после его смерти. Среди вещей были спичечные коробки с картинками, говорившими о том, что он был в Гватемале и Никарагуа.

Вот кто были эти четыре американца, оказавшиеся в среду 19 апреля 1961 года в Хэппи-Вэлли. В этот день все четверо добровольно вызвались лететь на самолетах В-26 к плацдарму, чтобы сменить измученных летчиков-кубинцев.

О том, что произошло, уже рассказано выше. Незадолго до вылета четверем летчикам ЦРУ сказали, что их будут прикрывать базирующиеся на авианосце американские реактивные истребители. Сообщение об этом было передано в Хэппи-Вэлли Ричардом Бисселом, после того как президент США разрешил реактивным истребителям флота без опознавательных знаков патрулировать в течение часа после рассвета. Вследствие путаницы с отсчетом поясного времени самолеты В-26 вышли в район залива Кочинос уже после того, как реактивные истребители флота ушли из этого района.

При каких обстоятельствах и как в точности были сбиты два самолета, в разных отчетах говорится по-разному. Однако в большинстве отчетов признается, что Шембургер и Грей упали в море, а Рей и Бейкер – на остров¹⁶.

Подтверждение о том, что Рей и Бейкер разбились на территории Кубы, содержится в сообщении гаванского радио 19 апреля. В 10 часов 30 минут по гаванскому времени (в 9 часов 30 минут по никарагуанскому времени) радио Гаваны сообщило:

«Передаем официальное правительственное коммюнике № 3. Участие Соединенных Штатов в агрессии против Кубы драматическим образом подтвердилось сегодня утром, когда наши зенитные батареи сбили американский военный самолет, пилотируемый американским летчиком, который подверг бомбардировке гражданское население и наши пехотные части в районе Аустралиа-Сентрал (сахарный завод).

Имя пилота американского самолета, труп которого попал в руки революционных сил, – Лео Френсис Белл. В его документах найдено удостоверение № 08323-М на право пилотирования самолета, срок действия которого истекает 24 декабря 1962 года. Его карточка социального страхования имеет номер 014-07-6921. Его автомобиль зарегистрирован по адресу: Бостон, 14, штат Массачусетс, Нассау-стрит, 100. Домашний адрес американского летчика: Бостон, Бикон-стрит, 48. Его рост – пять футов шесть дюймов» (таким был рост Бейкера).

В сообщении телеграфного агентства из Гаваны указывалось, что имя летчика было Лео Френсис Берлис. В другом сообщении называлось имя Берль.

¹⁶ Главный редактор бирмингемского еженедельника «Экзаминер» Альберт Парсонс 8 марта 1963 года заявил, что самолет, пилотируемый Шембургером и Греем, был сбит реактивным самолетом Т-33. Парсонс был одним из американских летчиков в Хэппи-Вэлли. Он должен был лететь на бомбардировщике Шембургера. Достер отменил вылет Парсонса, так как он летал в основном на транспортных самолетах и имел небольшой опыт полетов на В-26.

В Оклахома-Сити федеральное авиационное управление заявило, что в управлении не зарегистрировано удостоверение летчика, которое указывалось в сообщении из Гаваны. Представитель управления пояснил, что система нумерации в нем не такая. Корреспонденты в Бостоне, проверявшие, что находится на Бикон-стрит по адресу, указанному в сообщении из Гаваны, обнаружили жилой дом. Никто из живущих в этом доме не знал Лео Френсиса Берлиса. Государственный департамент в Вашингтоне заявил, что человек с указанным именем не числится в правительственных органах ни на военной службе, ни на гражданской.

То, что попало в руки Кастро, являлось сфабрикованными ЦРУ документами Лео Бейкера, в которых была указана вымышленная фамилия. Тайные агенты ЦРУ часто пользуются фальшивыми документами. У некоторых имеется по три-четыре американских паспорта на разные фамилии. Предположительно, документы были найдены после того, как бомбардировщик Бейкера разбился в глубине страны.

Через неделю, 26 апреля, Маргарет Рей посетил бирмингемский адвокат Томас Макдоуэлл, который был партнером бывшего губернатора Алабамы Фрэнка Диксона по адвокатской фирме. Макдоуэлла сопровождал еще один человек. Они сообщили миссис Рей о предположении, что ее муж пропал без вести во время полета на транспортном самолете С-46. Они просили ее не говорить об этом никому и сказали, что еще есть шанс на то, что он остался в живых.

В течение следующей недели Маргарет Рей жила обычной жизнью, ходила в церковь, на рынок. В среду 3 мая ее вновь посетил Макдоуэлл. На этот раз он привел с собой высокого блондина, которого представил как адвоката из Майами. Звали его Алексом Карлсоном.

Они повторили рассказ о самолете С-46, но на этот раз заявили, что больше нет никакой надежды на то, что ее муж жив. Карлсон заявил, что передаст это сообщение на следующий же день в бирмингемские газеты.

Визит Карлсона и Макдоуэлла к Маргарет Рей продолжался около тридцати минут. Затем они ушли. Маргарет намекнула им, что не верит в эту историю. 4 мая, в четверг, Карлсон провел в Бирмингеме пресс-конференцию. Он заявил, что пропали без вести четыре летчика и что они погибли после того, как их самолет с грузом вылетел с одного из аэродромов в Центральной Америке. Карлсон сказал, что он является поверенным «Дабл-Чек корпорейшн» в Майами. Он заявил, что «Дабл-Чек» в начале апреля содействовала установлению связи некоторых кубинцев, выступающих против Кастро, с этими летчиками. Карлсон не сказал, участвовали ли указанные летчики в полетах при вторжении на Кубу.

«Им было приказано пользоваться радиосвязью только при чрезвычайных обстоятельствах, – заявил Карлсон. – Они сообщили, что вышел из строя один двигатель и что они теряют высоту. Это было их последним сообщением».

Он сказал, что «Дабл-Чек» корпорейшн установила связь с четырьмя летчиками по поручению организации, которая просила, чтобы ее название оставалось в тайне. «Но предполагается, что это была группа кубинских эмигрантов», – заявил Карлсон. Он сказал также о том, что «Дабл-Чек» наняла всех четверых летчиков для работы на транспортных самолетах с помесечной оплатой. «Эти люди знали, на что они идут, – добавил он. – Это был рассчитанный риск. Если бы они вернулись, у них была бы в руках кругленькая сумма».

Чтобы скрыть свою роль, ЦРУ хотело представить четырех американцев в виде наемников. Их репутацией можно было пожертвовать.

Слова Карлсона возмутили вдов. «Райли не был солдатом – искателем удачи, – заявила миссис Шембургер. – Он делал это не ради денег. Он был летчиком-испытателем в фирме „Хейс“, и ему там хорошо платили. Он занимал важный пост в национальной гвардии ВВС. Он работал в двух местах, потому что хотел, чтобы мы жили хорошо. Ко мне два раза в неделю приходила прислуга. Я хожу в мехах. Посмотрите, какие вещи у нас в доме».

Миссис Грей заявила корреспонденту газеты, что ее муж также не был искателем удачи. Она сказала, что ему платили по 1990 долларов в месяц в течение короткого периода времени, когда он был в отъезде. Она упомянула, что ее также посетил Карлсон. «Он заявил, что мой муж умер и что надо начинать жизнь снова. Он сказал, что один из двигателей самолета был найден плавающим в воде. Я думаю, что двигатели не плавают».

«Они знали, на что идут, но я не знала», – заявила Кэти Бейкер.

Через три дня после возвращения в Майами Карлсон заявил корреспондентам, что он убежден в том, что самолет С-46 участвовал в перевозке предметов снабжения во время вторжения на Кубу. Но он сказал, что задание, которое выполнял экипаж самолета, не было заданием основной организации кубинских эмигрантов – «Демократического революционного фронта».

«Есть много так называемых фронтов и состоятельных частных лиц, которые стремятся внести свою долю, – заявил он. – Это была небольшая группа».

Партнер Карлсона по «Дабл-Чек» Реймонд Кокс сообщил репортерам в Майами, что ему ничего не известно ни о каких летчиках.

Вскоре после того, как Карлсон побывал в мае в Бирмингеме, четыре вдовы стали получать таинственные чеки. Сначала чеки поступали от «Хайли-Майами-Спрингс Бэнк», подписанные Карлсоном. Но вскоре после этого произошла перемена, и чеки стали приходить от «Бэнкерс-Траст компани» из Нью-Йорка. Они приходили каждые две недели. Первые пятьдесят два чека были на 225 долларов каждый. Затем сумма была увеличена до 245 долларов, то есть в год каждая получала немногим более шести тысяч долларов. Чеки от «Бэнкерс-Траст» подписывались просто банковским служащим. Они выписывались за счет фонда, созданного при этом банке. Но на чеках не было никаких указаний об источнике поступления денег.

Однако совершенно очевидно, что за всем стояло ЦРУ. 17 мая 1961 года Карлсон написал Кэти Бейкер на фирменном бланке своей адвокатской конторы. Он приложил кассовый чек на 1990 долларов и сообщил:

«Корпорация Double Check [sic] решила продлить выплату обычной ежемесячной зарплаты до 4 июня 1961 года, хотя, к сожалению, убеждена в окончательности судьбы вашего мужа. Тем не менее начиная с 5 июня ежемесячно вы будете регулярно получать выплаты пособий, как это предусмотрено трудовым договором вашего мужа.

Позвольте мне еще раз выразить свои искренние соболезнования в связи с вашей тяжелой утратой, и, если у вас возникнут какие-либо вопросы или проблемы, пожалуйста, не стесняйтесь обращаться за помощью к нашим адвокатам в Бирмингеме.

Искренне ваш, Алекс Э. Карлсон, адвокат Double-Check [sic]».

Странно, что Карлсон, казалось, не был уверен как в этом письме, так и в многочисленных публичных заявлениях относительно того, называлась ли фирма, президентом которой он был, Double-Check (как он написал миссис Бейкер) или Double-Chek, как значилось в регистрационных документах, выданных в штате Флорида.

Под «нашими адвокатами в Бирмингеме» Карлсон подразумевал Макдауэлла, который продолжал действовать как своего рода куратор дел вдов. Макдауэлл смог получить свидетельства о смерти четырех летчиков; он хранил их в своем сейфе в комнате 533 офисного здания Фрэнка Нельсона в центре Бирмингема. У вдов сложилось впечатление, что Макдауэлл работал в разведке ВМС, и они полагали, что он имеет какое-то отношение к чекам, которые они получают.

Отец Райли Шембургера был городским пожарным на пенсии, полуинвалидом, который передвигался по их дому в Бирмингеме в инвалидной коляске. Но мать Райли делала все возможное, чтобы выяснить, что случилось с ее сыном. Она даже написала письмо правительству Швейцарии, которое взяло на себя защиту интересов США на Кубе после разрыва дипломатических отношений между Вашингтоном и Гаваной.

Миссис Шембургер начала с того, что отправила письмо в Государственный департамент. Она получила ответ, датированный 11 августа 1961 года, от исполнявшего обязанности начальника отдела защиты интересов граждан США за границей Денмана Стэнфилда. В нем говорилось: «В ответ на Ваше письмо от 9 июля в отношении благополучия и местонахождения Вашего сына сообщая: если вы сообщите нам полное имя Вашего сына, дату и место рождения, последний известный адрес в США или за их пределами и любую другую информацию, которая могла бы помочь в установлении его местонахождения, департамент будет рад навести справки».

Через несколько недель она получила письмо, датированное 14 сентября 1961 года, от майора Сиднея Ормерода из административного отдела ВВС США. Это письмо было весьма четко сформулированным документом:

«1) Ваши письма в Государственный департамент в отношении Вашего сына были пересланы мне для ответа Вам.

2) В документах нашего управления нет сведений об обстоятельствах, при которых произошёл трагический случай с Вашим сыном. В то время он не находился на действительной военной службе.

3) За более подробной информацией Вам следует обратиться к фирме „Хейс эркрафт корпорейшн“¹⁷ в Бирмингеме в штате Алабама.

4) Сожалею, что не смог помочь Вам в этом деле».

Письмо вводило в заблуждение. «Хейс эркрафт» представляет собой частную компанию и ни над кем не осуществляет своей юрисдикции. В «указанное время» Райли Шембургер летал по заданию ЦРУ. Он, разумеется, не испытывал самолеты для фирмы «Хейс» над заливом Кочинос.

Менее настойчивая женщина была бы обескуражена этим, но только не миссис Шембургер. На следующий год она обратилась к Джону Маккоуну. В ответ она получила на бланке ЦРУ письмо от 14 июля 1962 года, подписанное исполняющим обязанности начальника ЦРУ генерал-лейтенантом армии США Маршаллом Картером. В нем говорилось:

«В отсутствие м-ра Маккоуна отвечаю на Ваше письмо от июня 1962 года, в котором содержится просьба информировать Вас о Вашем сыне. Мне очень жаль, что наше управление не имеет возможности сообщить Вам что-либо об этом. Одновременно сообщая, что мы навели справки в других правительственных органах, но они также не имеют никакой информации по этому вопросу.

Мы искренне сочувствуем Вам в Вашем естественном беспокойстве о судьбе своего сына, и я крайне сожалею, что мы не можем Вам помочь. Примите уверения в том, что, если когда-либо мы будем иметь возможность сообщить Вам что-нибудь по этому вопросу, мы немедленно известим Вас».

И все же миссис Шембургер не сдалась. Она решила дойти до самых верхов. Она написала письмо президенту США. 4 октября 1962 года советник президента по вопросам ВВС бригадный генерал Годфри Макхью прислал ответ. В письме выражалось сочувствие и, в частности, сообщалось следующее: «Если когда-либо будет получена информация об обстоятельствах гибели Вашего сына, то Вам ее сообщат немедленно. К сожалению, в настоящее время ни ЦРУ, ни какое-либо другое правительственное учреждение не имеет ни малейшей информации об обстоятельствах исчезновения Вашего сына».

¹⁷ Фирма «Хейс» не особенно стремилась отвечать на вопросы. Когда один из авторов этой книги запросил у нее информацию об этих четырех людях, работавших там в течение многих лет, представитель фирмы по связи с печатью заявил, что он должен доложить этот вопрос руководству. После этого он заявил, что не может дать никакой информации.

Мать Райли Шембургера была полна решимости продолжать свои попытки. «Я не собираюсь сдаваться, – заявила она. – Забирают сына и ничего не говорят о том, что с ним случилось!»

Конечно, переписка миссис Шембургер с Вашингтоном протекала без огласки. После непродолжительного оживленного обсуждения в печати этого вопроса непосредственно после операции в заливе Кочинос история о четырех пропавших американцах исчезла со страниц газет почти на два года, пока не появилась вновь 25 февраля 1963 года.

В этот день сенатор Эверетт Маккинли Дирксен, республиканец от штата Иллинойс и лидер меньшинства в сенате, объявил, что четыре американских летчика погибли в заливе Кочинос. Он сказал, что узнал об этом, когда лично проводил расследование обстоятельств вторжения на Кубу.

Заявление Дирксена вызвало замешательство в правительстве Кеннеди прежде всего потому, что 12 апреля 1961 года – за пять дней до вторжения на Кубу – президент Кеннеди заявил: «Наше правительство сделает все возможное, и я думаю, что оно справится со своими задачами, чтобы не допустить участия ни одного американца в каких-либо действиях на Кубе».

Причиной замешательства было также и то, что 21 января 1963 года министр юстиции брат президента Роберт Кеннеди заявил в интервью с представителем газетного объединения Найта Дэвидом Краслоу, что ни один американец не погиб в заливе Кочинос.

В этом и в аналогичном интервью для журнала «Юнайтед Стейтс ньюс энд Уорлд рипорт» Роберт Кеннеди заявил нечто еще более важное: впервые высокопоставленный представитель правительства ясно признал, что операция в заливе Кочинос была операцией Соединенных Штатов, спланированной Комитетом начальников штабов и ЦРУ. «Президент должен был одобрить этот план, – сказал Роберт Кеннеди. – Комитет начальников штабов также одобрил его, хотя ответственность за планирование в основном лежала на ЦРУ»¹⁸.

После заявления Дирксена газетчики устремились к старшей миссис Шембургер. «Если американцы не принимали участия в этом деле, – сказала она, вполне определенно ссылаясь на заявления президента Кеннеди и Роберта Кеннеди, – то где же мой сын?»

Она заявила, что писала президенту о своем сыне, но он уклонился от ответа на вопрос.

Белый дом был встревожен. Помощник секретаря президента по вопросам печати Эндрю Хэтчер опубликовал заявление. В нем Хэтчер разъяснял, что ответ на письмо миссис Шембургер давал генерал Макхью.

¹⁸ До этого самое ясное заявление со стороны правительства было сделано президентом Кеннеди 17 декабря 1962 года в интервью для трех крупнейших телевизионных компаний. Говоря в общих выражениях о вторжении на Кубу в 1961 году, президент заявил: «И я был ответственным за это».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.